

Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

Научно-аналитическое приложение к журналу
«Вестник Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации»

№ 3/2014

Москва, 2014

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
«ВЕСТНИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

№ 3
2014

СЕНТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОЕКТА
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б.С. ЭБЗЕЕВА

МОСКВА

Право выбора

- 3 **В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев**
Глобализация, международные гуманитарные стандарты
и суверенитет России
- 31 **А.М. Осавелюк**
Проблемы национальной безопасности России в условиях глобализации
- 47 **О.В. Дамаскин**
Современные проблемы развития стратегии и правового обеспечения
национальной безопасности и суверенитета России

Вопросы избирательного законодательства

- 61 **М.Н. Артамошкин, С.Д. Тюрин**
Ретроспективный обзор избирательного законодательства
- 72 **Г.Д. Садовникова**
Состав законодательного органа власти и проблемы обеспечения
его представительной природы

Дорожная карта: идеи и концепции

- 90 **Н.В. Просандеева**
Современная образовательная модель и обеспечение безопасности стран

Электоральная модернизация и инновации

- 100 **Д.А. Ежов**
Методологические проблемы электорального прогнозирования

Земская реформа: история вопроса

- 110 **С.М. Шапиев, М.А. Исмаилов**
Земская реформа в Дагестане: особенности и основные этапы

За «круглым столом»

- 123 **Выборы в Европарламент 2014 года: итоги, проблемы и перспективы**

Зарубежное избирательное право и практика

- 170 **М.Н. Арбатская**
Обеспечение всеобщности голосования в территориальных
политических системах Иберийского полуострова.
Списочное число избирателей

В мире науки

- 185 **Г.Н. Митин**
Вопросы развития понятийного аппарата избирательного права
как подотрасли и науки

Научные форумы

- 200 **И.Р. Вильданов**
На III Всероссийской научно-практической конференции «Референдум и выборы
как высшая форма непосредственной демократии в России»

Выборы в Европарламент 2014 года: итоги, проблемы и перспективы

В июне 2014 года в Институте Европы РАН состоялась международная научно-практическая конференция «Выборы в Европейский парламент 2014 года: итоги и перспективы» с участием ученых ряда институтов Российской академии наук, представителей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, ЦИК России, политологов из ФРГ, Венгрии, Польши. Предлагаем вниманию читателей выдержки из выступлений участников форума.

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, доктор политических наук, врио директора Института Европы РАН. Майские выборы 2014 года в Европейский парламент стали очередным шагом по пути формирования мегаполитии на пространстве Европейского союза поверх барьеров двадцати восьми партийно-политических систем стран – членов Европейского союза. Важность этих выборов заключается, возможно, даже не столько в их прямом предназначении – избрании депутатов Европарламента, сколько в вовлечении нескольких сот миллионов европейцев в панъевропейский политический процесс по демократизации органов управления ЕС. Впервые проведенные в далеком 1979 году, эти выборы с тех пор из диковинки превратились в достаточно слаженный и утвердившийся механизм по легитимации наднационального яруса Евросоюза. В отличие от нескольких предыдущих (выборы проводятся раз в пять лет), в 2014 году они ознаменовались достаточно большими особенностями и даже интригой. Именно теперь удалось переломить негативную тенденцию всех последних десятилетий по снижению явки избирателей, которая выросла с 43 до 43,1 процента.

Рост мизерный, но в данном случае был важен сам факт поворота вспять, казалось бы, неизбежности дальнейшего снижения явки. Причем по странам разброс показателей огромен: от 19 процентов в Словакии до 90 процентов в Бельгии и Люксембурге (где голосование обязательно). Политические обозреватели до последнего момента ломали голову: в какую сторону качнется явка? На фоне социально-экономических невзгод было вполне логично ожидать дальнейший рост политической

апатии и «голосования ногами». Ведь разочарование широких масс политикой правящих кругов достигло небывалых с окончания Второй мировой войны высот. Однако именно как никогда выросшее недовольство политическим истеблишментом (и появление энергичных политических сил, оппонировавших ему) на сей раз привело к обратному эффекту – массовому стремлению прийти к избирательным урнам и проголосовать как за традиционные, так и новые протестные движения и партии.

Беспрецедентный рост евроскептицизма электората укрепил или выдвинул в категорию партий второго, а то и первого эшелона и в национальных партийно-политических системах, и в общеевропейской таких игроков, как итальянское движение «Пять звезд», британская Партия независимости Соединенного Королевства, французский Национальный фронт, греческая «СИРИЗА», Новый фламандский альянс в Бельгии, Австрийская партия свободы и др. Механизм демократической легитимации ЕС в этой своей части обнаружил достаточную надежность, выполнив одну из своих главных функций, – «выпустил пар» общественного недовольства, перевел уличный, гражданский протест в русло парламентской демократии, сыграл роль своего рода амортизатора возмущения миллионов европейских безработных и других пострадавших от кризиса и политики жесткой экономии слоев населения.

Можно поспорить о том, насколько результаты выборов говорят об укреплении европейской политики или о ее кризисе, ведь у истории немало примеров, когда национальные партийно-политические системы разваливались под тяжестью центробежных сил внутри них и с использованием вполне демократических механизмов. Следующие выборы пройдут через пять лет. Вопрос в том, приведут ли они к «отскоку» в настроениях избирателей – к возвращению части протестного голоса в русло партийного «мэйнстрима», или евроскептические настроения закрепятся и расширят свою электоральную базу. Гипотетический приход к власти во Франции Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 года (возможно, и раньше в случае их досрочного проведения) или выход Великобритании из ЕС в результате референдума 2017 года могут в этом смысле усугубить ситуацию до «точки невозврата». Однако пока такой сценарий развития событий представляется маловероятным. Результаты майских выборов в Европарламент на первый взгляд вполне укладываются в известный алгоритм реагирования национальной партийно-политической системы на социально-экономические шоки.

И все же упование на то, что проведение общеевропейской политики будет сродни модели функционирования национальной в условиях социально-экономических циклов «кризис – рост», может сыграть злую шутку с политическим истеблишментом ЕС.

Во-первых, контуры и практики этой политики только обозначились, идентификация «гражданина Европы» практически ни в одной из 28 стран – членов Евросоюза до сих пор не отодвинула на второе место

идентичность национальную. Более того, последняя, будучи одной из опорных конструкций традиционного национального государства, в ряде стран трещит по швам, как в Великобритании, Испании или Бельгии. В этих условиях рассчитывать на то, что избиратель автоматически будет все больше встраиваться в модель поведения европейского гражданина, вряд ли приходится.

Во-вторых, сам проект «Евросоюз» обнаружил в последние годы изрядную слабость, а в ряде вопросов и ущербность. Для исправления положения дел требуется время. Действительно, ЕС превозмог внутренние распри и волевым образом встал на путь модернизации, в том числе по приведению своего экономического и монетарного измерения в соответствие с фискальным и бюджетным. Но многие утвержденные механизмы реформ только-только задействованы, а то и вовсе согласованы пока лишь на бумаге, включая Банковский союз.

Если вполне определенно можно утверждать, что ЕС и еврозона покинули, по крайней мере до поры до времени, красную зону опасности декомпозиции, то столь же преждевременно делать вывод о возвращении ЕС к «бизнесу как обычно». Не исключено, что период достаточно уверенного роста и расширения в 1990-е годы вплоть до 2008 года был «золотыми годами» Евросоюза, к которым уже не вернуться. И не столько из-за внутренних проблем ЕС, сколько из-за того, что мир вокруг него быстро меняется. Если это так, и ЕС не на временной, а на долговременной основе утрачивает свою «гравитационную» силу, теряет привлекательность как для граждан ЕС, так и, что особенно важно, для внешнего мира, то будущее общеевропейской политики крайне туманно. Не вступил ли ЕС на путь длительного застоя, постоянного балансирования между мизерным ростом и рецессией, не входит ли он в долгую полосу стагнации?

Результаты майских выборов в Европарламент и их последствия словно в зеркале отразили состояние дел в организации в целом. Это и вызов политическому истеблишменту со стороны различных популистских, несистемных, радикальных движений, и благоприятные условия для закрепления федералистских тенденций в ЕС в лице руководства нового состава Еврокомиссии («большая тройка» – Ж.-К. Юнкер – Ф. Магерини – Ф. Тиммерманс), и укрепление двухскоростного характера развития Евросоюза, олицетворением которого стал провал линии Лондона на подрыв кандидатуры Ж.-К. Юнкера.

Прошедшие выборы подняли на новый уровень роль Европарламента в системе управления ЕС. Очевидно, что Юнкер никогда бы не стал председателем Европейской комиссии (ЕК), если бы не закрепленные в Лиссабонском договоре пункты, ставящие решения Европейского совета по его кандидатуре в зависимость от результатов голосования за политические группы в Европарламенте. Новый состав ЕК также намного более тяжеловесный, чем предыдущий. Теперь довольно сложно критиковать

его как вместилище национальных политиков «второго эшелона», примером чего были и Х.В. Ромпей и К. Эштон. Сбалансированным в партийно-политическом плане, исходя из результатов выборов в Европарламент, оказался и его состав, где 15 мест занимают демохристиане (консерваторы), 8 – социалисты (социал-демократы), 5 – либералы. Одновременно укрепляется и статус председателя ЕС в лице поляка Д. Туска – впервые этот пост занял действующий премьер-министр, причем крупнейшей страны из состава «младоевропейцев».

При всех положительных сдвигах, характерных для прошедших выборов в Европарламент, пока без ответа остается вопрос о том, достаточно ли их для решения острейшей проблемы «демократического дефицита». Легитимность Европарламента, как и других наднациональных структур ЕС, нуждается в значительном усилении. Низкий показатель явки избирателей на майских выборах (особенно в странах Центральной и Восточной Европы) говорит сам за себя. Евроскептицизм, сильно окрепший за последние годы, с новой силой подтачивает здание «социального контракта» между европейскими массами и политическими элитами. Последние уже в самом ближайшем времени должны ответить на вопрос о степени реального участия Старого Света в решении сложнейших международных проблем, которые напрямую затрагивают интересы населения Европы.

ШВЕЙЦЕР Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета «Партийно-политические системы XXI века» Института Европы РАН. Выборы в Европейский парламент (ЕП) дали аналитикам богатый исследовательский материал. С одной стороны, вроде бы оправдались почти повсеместные прогнозы о низкой электоральной активности населения государств – членов ЕС. Не обманулись в своих ожиданиях те, кто предсказывал рост евроскептических настроений избирателей, и предрекавшие существенное ослабление позиций правящих партий, составляющих коалиции в абсолютном большинстве государств западноевропейской части Европейского союза.

Однако истина всегда конкретна. В данном случае по итогам выборов 2014 года необходимо выявить не только общие закономерности всеевропейского волеизъявления, но и те отнюдь немаловажные региональные особенности, которые позволят сделать выводы, объективно отражающие суть произошедшего.

Партийно-политические процессы в Евросоюзе нельзя пока что рассматривать под углом единого общеевропейского тренда. И речь здесь идет не только о сроках нахождения в одной организации – ЕС, хотя наличие в ней 15 западноевропейских стран (Е-15), ставших членами Союза в 1990-е годы, и присоединившихся к нему в начале XXI века 13 постсоветских и постсоциалистических государств, а также средизем-

номорских Кипра и Мальты (Е-13) свидетельствует об объективной сложности формирования общего политического менталитета для старых и новых евросоюзцев. Население «большой Европы» по-разному реагирует как на собственно страновые проблемы, так и на общий социально-экономический и внешнеполитический контекст текущих или совсем недавних событий.

Констатируя этот вполне очевидный фактор влияния на голосование 22–25 мая 2014 года, следует особо подчеркнуть, что 43-процентная явка на евровыборы выглядит не более убедительно, чем средняя температура больных в лечебном учреждении. Рассмотрев этот общеевропейский показатель более внимательно, мы обнаружим значительную разницу в электоральном поле Е-15 и Е-13. Для Е-15 явка на выборы составила более 53 процентов, а для Е-13 – менее 33 процентов. По сравнению с выборами в ЕП 2009 года первые повысили в целом электоральную активность на 5,9 процента, вторые понизили ее на 5,4 процента.

Что же касается странового разброса электоральной активности западноевропейцев, то он определялся прежде всего конкретной партийно-политической ситуацией в каждом государстве ЕС. Очевидно, что на итальянцев воздействовал процесс реформирования всей национальной системы власти. Политическая, экономическая и социальная стабильность скандинавов сделала граждан Дании, Швеции и отчасти Финляндии более внимательными к общеевропейским процессам. Во Франции и Испании избиратель пошел к евроурнам во многом под влиянием острых политических событий во внутренней политике. Традиционно стабилен интерес к евровыборам у немцев, учитывающих приоритетную роль Германии в решении континентальных проблем. Наоборот, англичане и голландцы не менее стабильно демонстрируют свою небольшую заинтересованность во всем, что не касается вопросов их насущного бытия. Слабое участие в евровыборах португальцев, явное ослабление интереса к ним у ирландцев и греков можно объяснить перипетиями вокруг вытягивания этих стран с помощью «тройки» из долговой евроямы.

Современный западноевропейский электорат можно условно разделить на четыре группы. Первую составляют граждане Старого Света, которые никогда не принимают участия в избирательных кампаниях (абсентеисты), считая их пустой тратой собственного времени и государственных средств. В процентном отношении, отталкиваясь от выборов в высшие органы законодательной и исполнительной власти, такими являются 25–30 процентов взрослого населения Европы. Вторую группу составляют члены, активисты и сторонники различных партий (базовый электорат), при всех условиях приходящие к урнам для голосования. Статистика свидетельствует о постоянном сокращении этой категории избирателей, численно не превышающей 20–25 процентов электората. Третья группа европейских граждан – ситуационный элек-

торат, выбирающий объект своих политических симпатий в зависимости от степени удовлетворенности или, наоборот, неприятия деятельности тех или иных игроков на политической сцене Европы. Таковых, по данным социологов, примерно 25–35 процентов избирательного корпуса. Наконец, четвертая, достаточно подвижная электоральная группа, – это так называемый протестный электорат, никогда не голосующий за власть имущих и поддерживающий различные, подчас противоположные по своей идейно-политической ориентации, партии либо массовые движения. Таковыми можно считать от 20 до 30 процентов европейских избирателей.

Этот электоральный пасьянс охватывает обе основные группы партийного пространства Европы. Первая группа – так называемые просистемные партии, активно поддерживающие европейский интеграционный процесс, считающие благом сложившиеся в мире глобализационные формы, прежде всего в сфере экономики. Отличительным признаком этих партий, составляющих в Евросоюзе неформально существующий блок консерваторов/демохристиан, социалистов/социал-демократов и либералов, является их готовность к принятию совместных, порой компромиссных, решений, учитывающих как интересы собственных стран, так и общеевропейские задачи в рамках ЕС.

С учетом достаточно неблагоприятной для Европы пятилетки между последними выборами в ЕП результаты для просистемных партий вполне предсказуемо оказались худшими, в отдельных случаях просто катастрофическими, по сравнению с волеизъявлением 2009 года.

Принимая во внимание, что в 2009–2014 годах почти все консервативно-демохристианские партии более или менее продолжительный период входили в состав коалиционных правительств, возглавляя их в большинстве случаев, негативный для них вердикт электората опирался именно на итоги их властной деятельности. Особенно больно ударил финансово-экономический кризис по странам, временно попавшим в долговую яму «тройки» (Европейского союза, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда). Отсюда и провал на выборах консерваторов и демохристиан Греции, Испании, Португалии и Ирландии. В Италии фактический распад блока С. Берлускони дал еще более негативный результат. На датчанах-консерваторах отразилось их отстранение от власти после минувших парламентских выборов. Их соседям из Швеции, наоборот, навредило чрезмерно долгое, по шведским меркам, нахождение у власти без решения ряда насущных для страны проблем. Во Франции очевидный кризис социал-демократического правления позволил части ситуационного электората поддержать партию «Союз в поддержку народного движения» (СПНД). В Люксембурге, безусловно, сыграл свою роль личностный фактор – выдвижение Ж.-К. Юнкера на должность председателя Еврокомиссии. Для Германии, Австрии и Финляндии внутривнутриполитические события и их международ-

ный фон привели лишь к относительно незначительному оттоку избирателей ситуационной ориентации.

В целом группа ЕНП в ЕП, хотя и ослабла (– 8,8 %), однако сохранила роль лидера, получив с учетом Е-12 28,2 процента мест в парламенте и достаточно весомые позиции для сохранения властных рычагов в высшем органе законодательной власти Европы.

Несколько ослабили позиции и двух других просистемных партийных групп в ЕП. «Прогрессивный альянс социал-демократов» утратил 1,4 процента мест, получив 24,6 процента в новой легислатуре ЕП. «Альянс либералов и демократов Европы» потерял 1,55 процента мест, располагая сегодня 9,45 процента всех европейских мандатов.

Социал-демократы Западной Европы демонстрируют достаточно ровные результаты без очевидных страновых электоральных провалов. Во многом это объясняется тем, что в годы кризиса они в основном, за исключением юга Европы, находились или в оппозиции, или на вторых ролях в больших либо малых коалициях. Исключением можно считать лишь результаты социалистов Греции и Испании, которые были у руля в первые годы кризиса. Отчасти обстоятельство сопричастности к власти имущим коснулось и Ирландии. Ухудшение показателей социалистов Люксембурга следует отнести к персональному фактору – отсутствие в их рядах лидера, сопоставимого с кандидатом в председатели ЕК Ж.-К. Юнкером. Эта же причина, по-видимому, повлияла на последнюю неудачу социал-демократов Финляндии. Зато лейбористы Великобритании, находясь почти пять последних лет в оппозиции, смогли укрепить свое место на электоральном поле. Отметим, что появление в Италии новой политической звезды, амбициозного М. Ренци, явно способствовало успеху Демократической партии, к которой, как представляется, отошла часть ситуационного электората С. Берлускони. В целом ПАСД, хотя осталась на втором месте по числу полученных на выборах голосов, сократила за счет потерь ЕНП электоральный промежуток до 3,4 процента против 11 процентов после выборов 2009 года.

Что касается позиций в ЕП группы либералов (АЛДЕ), то она не сохранила свое прежнее третье место в «общекомандном зачете», уступив его руководимой британскими консерваторами группе ЕКП. Наиболее существенные потери здесь понесли либералы Германии (СвДП) – 7,6 процента и Великобритании (ЛДПВ) – 7 процентов. В обоих случаях сказалась их неудачная коалиционная политика с демохристианами и консерваторами. Британцам-либералам явно навредила их открыто проевропейская политика в условиях нарастающего в стране евроскептицизма. Их немецкие коллеги не смогли занять собственную нишу в коалиции с ХДС/ХСС; мешали им и скандалы, связанные с их лидерами. Нечеткая коалиционная политика, очевидно, повлияла и на потери, понесенные на выборах в ЕП, либералами Швеции, Люксембурга и Дании. Последние вообще утратили почти традицион-

ные для них места в правительстве. Более успешными выглядят результаты их коллег из Нидерландов, которые смогли потеснить на одном электоральном поле христианских демократов из ХИП. Весьма позитивным стал результат выборов мая 2014 года для либеральной «Фине Гэл», под руководством которой Ирландия первой среди других стран – жертв обвала евро смогла покинуть долговую яму «тройки».

В целом же, хотя три группы просистемных партий понесли существенные потери (около 12 % европейского электората), они сохранили позиции ведущих сил как на страновом, так и на общеевропейском пространстве. Наличие у них более 60 процентов мест в ЕП нового созыва дает возможность без особой оглядки на другие, антисистемные, группы формировать руководящие органы как в ЕП, так и в Евросоюзе в целом.

Характерной чертой просистемной группы партий ЕС является одобрение в целом функционирования Союза в последнее пятилетие (консерваторы, демохристиане, либералы) с некоторой долей критики у социал-демократов, ушедших в отдельных странах на вторые правительственные роли, а то и в оппозицию. Партии и движения антисистемного типа сосредотачивают свое внимание на критике Евросоюза, а подчас и вообще отрицают целесообразность подобного наднационального объединения государств Старого Света.

В организационном плане евроскептиков можно дифференцировать на имеющих относительно стабильные с точки зрения их партийного состава группы («зеленые», радикал-социалисты) и на рассеянных по разным группам депутатов, придерживающихся разного оттенка радикал-националистических, сепаратистских и антиевропейских позиций. Если «зеленые» и радикал-социалисты, делая упор на критике ЕС по отдельным аспектам, прежде всего экономической и социальной политики, все же выдвигают какую-то более или менее конструктивную контр-программу, то вторая группа евроскептических партий и объединений опирается на чисто популистские лозунги, никак не оформляя свои позиции в духе конструктивной критики.

Наиболее умеренными в категории евроскептиков выглядят «зеленые», имеющие собственную группу на протяжении почти всего периода деятельности ЕП. В ряде стран они приобрели определенный опыт участия в правительственных коалициях, что сделало их уважаемой в масштабах Европы силой. В их манифесте, приуроченном к выборам 2014 года, говорится о необходимости фундаментальной политической переориентации и демократического обновления ЕС. Своими противниками «зеленые» называют популистов, националистов и экономических шовинистов. Они резко критикуют неолиберальный экономический курс, приведший к глубокому финансово-экономическому кризису. В вопросах миграции «зеленые» выступают за контролируемое расширение этого процесса, демократический и гуманитарный подход к беженцам.

В результате выборов в ЕП «зеленые» несколько (на 0,3 %) расширили свое представительство. Однако по сравнению с выборами 2009 года в ряде стран (Франция, Греция, Италия, Финляндия) они понесли определенные электоральные потери. Успешными нынешние выборы стали для «зеленых» Австрии (+ 5,0 %), Швеции (+ 4,5 %), Ирландии (+ 4,1 %), что можно отнести к их достаточно конструктивной деятельности в оппозиции.

Во многих европейских государствах «зеленые» совпадают в своих позициях с радикал-социалистическим флангом политического спектра. На уровне программных констатаций континентального масштаба последние значительно более критичны к ЕС в его нынешнем виде. В тезисах к выборам в ЕП (от декабря 2013 г.) подчеркивается, что основные документы ЕС противоречат социальному развитию континента. Левые социалисты против отказа от принципов демократии и социального прогресса, равно как и против распространения национализма и ксенофобии. Они предлагают программу из шести пунктов по выводу Союза из очевидного для левых тупика. В порядке очередности называются:

1. Противостояние мерам жесткой экономии.
2. Поиск новой модели социального и экологического развития.
3. Расширение участия граждан во всех сферах деятельности Евросоюза.
4. Создание социально-правовой Европы.
5. Расширение торговых отношений со всеми странами мира, без односторонней ориентации на США.
6. Создание мирной Европы, независимой от США и НАТО, приоритет интернационализма перед империализмом.

На евровыборах левые добились особого успеха именно в тех странах, где обострились рожденные кризисом социальные противоречия. В Греции блок СИРИЗА стал первым по числу поданных за него голосов (26,6 %); 6,7 процента получила Компартия Греции. В Португалии два блока левых партий получили вместе 17,1 процента. В Испании левая коалиция заручилась поддержкой почти 10 процентов избирателей. В этом же диапазоне успеха добились Соцпартия Нидерландов (9,6 %) и Левый Альянс Финляндии. В Дании определенный прирост голосов получило «Народное движение против ЕС» (8 %), в Швеции усилилась Левая партия (6,3 %). Практически остались на прежних позициях «Левые» Германии (7,4 %). В целом по Евросоюзу «Объединенные левые» увеличили свое представительство на два пункта.

Однако в общеевропейском раскладе антисистемных сил наибольший успех пришелся на партии радикал-националистического, регионал-сепаратистского и популистского толка. Рассеянные по разным фракциям и группам ЕП, а то и не входящие ни в одно из зарегистрированных в нем объединений, они суммарно получили более 14,2 процента голосов европейских (включая и восточноевропейских) избирателей,

увеличив представительство радикальных евроскептиков по сравнению с выборами 2009 года почти на 10 процентов. Правда, здесь следует отметить некоторое ухудшение положения возглавляемой британскими консерваторами группы «Европейские консерваторы и реформисты», в которой ослабили позиции их основателей (23,3 % против 27,7 % на предыдущих выборах). ЕКР, как уже указывалось, стало третьей по числу депутатов группой ЕП.

Наибольшего успеха в этом сегменте сил, представленных в Европарламенте, добились радикал-националисты, чьи главные политические игроки находятся в так называемом Европейском альянсе за свободу. В предвыборной программе Альянса их принципы сформулированы достаточно четко. Прежде всего их не устраивает уменьшение суверенных прав государств – членов ЕС и усиление наднациональных функций Союза. Их не устраивает и система приема в него новых членов – без проведения в каждой стране референдумов по новому кандидату. Они против принятия решений о финансовой помощи «слабым» членам ЕС без широкого обсуждения этого опроса во всех странах – членах Союза. Предполагается разрешить «кризисным» странам выход из еврозоны. Радикал-националисты – за протекционизм для хозяйственных отраслей отдельных государств. Вполне естественно, не обойден был и вопрос иммиграции. Радикал-националисты выступают против интенсификации иммигрантских потоков, подчеркивая, что каждая страна ЕС должна проводить собственную политику в данной сфере. На фоне ситуации в этой области была поднята тема укрепления национальной идентичности формирующих ЕС народов, поддержки традиционных, христианских и гуманистических ценностей.

Результаты выборов в ЕП свидетельствуют о почти повсеместном приросте голосов радикал-националистов. Особенно впечатляет рывок французского «Национального фронта» (с 6,5 % в 2009 г. до 24,9 %). Еще более крупного успеха добились радикал-националисты из Датской народной партии (26,2 % против 15,2 %). Сенсацию в Великобритании вызвало первое место в «общекорольском зачете» «Партии независимости Соединенного королевства» (26,7 % против 16,5 %). В Австрии вплотную приблизилась к правящим социал-демократам и консерваторам Австрийская партия свободы, также улучшившая показатели 2009 года (19,7 % против 13,1 %). Неплохой для себя результат показала нидерландская партия Свободы (13,2 %), хотя по прогнозам она должна была добиться большей электоральной поддержки. Третьими в Финляндии стали «Истинные финны» (12,9 %). Электоральный рывок совершили неизвестные до прошлых выборов в ЕП «Шведские демократы» (9,7 %) и греческая «Золотая заря» (9,3 %).

Некоторые партии и движения добились значительного успеха, сосредоточив внимание избирателей на теме пересмотра отношений своих стран с ЕС. Так, появившаяся недавно в ФРГ «Альтернатива для

Германии» привлекла на свою сторону сходу 7 процентов избирателей. Уже хорошо известное «Движение пяти звезд», несмотря на пессимистические прогнозы, смогло получить 21,1 процента голосов итальянского электората и занять второе место после социалистов. Свою долю успеха получили и партии, выступающие с сепаратистских позиций. В Бельгии это «Новый фламандский альянс» (16,3 %), обошедший все традиционные партии королевства. Шотландская национальная партия, опирающаяся на сепаратистски настроенный электорат этой части Великобритании, получила в общебританском зачете 2,4 процента голосов и два места в ЕП. Итальянская «Лига Севера», выступающая за конфедерализацию (как минимум) Италии, завоевала 5 мест в ЕП, став в ряде северных областей страны первой по популярности. Ряд депутатских мест в ЕП получили регионал-сепаратисты Испании, выступавшие в коалиции с различными мелкими партиями страны. Обратим внимание и на результат ирландской «Шинн Фейн» (17 %), не отказавшейся от идеи воссоединения с Ирландией северной части острова – британского Ольстера.

В целом можно констатировать как рост евроскептицизма, так и его разнообразие. Последнее обстоятельство вряд ли позволит тем, кому не нравится ЕС в его нынешнем виде, организованно оформить какое-либо стабильное объединение евроскептиков. Однако по схеме «дружить против» они могут создать проблемы просистемным объединениям партий, а в отдельных случаях и помешать принятию решений, по которым у просистемщиков могут возникнуть определенные, прежде всего межстрановые разногласия.

Результаты выборов в ЕП 2014 года дают основания прогнозировать хотя бы на краткосрочном временном отрезке тенденции развития западноевропейского партийно-политического пространства. Очевидно, что просистемные партии, утратившие доверие части электората, должны будут внести соответствующие ситуации коррективы в программное оформление своего политического курса. Стабилизация экономической ситуации в Европе и мире позволит им, хотя бы в пропагандистских целях, объявить электоральные потери временным, проходящим явлением. Иной поворот событий, в глобальном плане не зависящих от курса партий власти в отдельно взятых странах, дает повод их политическим соперникам – антисистемным евроскептикам развить свои страновые электоральные успехи в масштабах всего континента. Общий фон социально-экономической ситуации в Европе неизбежно скажется на особенностях положения в отдельных государствах. Сбои в уже запущенном интеграционном механизме, будь то вопросы финансовой, социальной, иммиграционной политики, в деле расширения ЕС на Восток Европы или же участия в конфликтном противостоянии с Россией – все это в целом вызовет дальнейшую трансформацию партийно-политической системы государств Западной Европы. Характер этой трансформации, со

своей стороны, может решающим образом повлиять на диспозицию Старого Света в его взаимоотношениях с другими центрами мировой политики.

ХИЛЛЕБРАНД Эрнст, политолог, руководитель Департамента международного политического анализа. **Фонд Фридриха Эберга, Берлин, Германия.** Многие комментаторы, похоже, пришли к единому мнению, что завершившиеся 25 мая 2014 года выборы в Европарламент стали триумфом маргинальных правых популистских партий и евроскептиков. Тем не менее итоги выборов не подтверждают эту оценку. Еврофобами можно назвать примерно 140 из 751 члена нового Европарламента. На сегодня они занимают не более 20 процентов депутатских мест. Это означает, что 80 процентов мест приходится на партии, которые поддерживают в том или ином виде процесс европейской интеграции. Успех евроскептиков – это более символическое, чем политически важное явление. Они представляют собой явное меньшинство без влияния на политическую машину в Брюсселе. К такому выводу можно прийти, проанализировав, как основные партии решают вопросы формирования новой Комиссии ЕС, где весь процесс протекает без каких-либо изменений.

Успех популистских партий, особенно европейских левых, как правило, приписывался фактору протестного голосования против политики жесткой экономии, «введенной» Европейской комиссией для некоторых стран еврозоны. Но эта интерпретация явно неубедительна. Правопопулистские силы добились наибольшего успеха не в странах, переживающих кризис, а в странах ЕС, не входящих в зону обращения евро и не переживающих кризис. Самых больших успехов правые популистские партии добились во Франции (Национальный фронт – 25 %), Дании (Народная партия Дании – 26,6 %), Великобритании (Независимая партия Великобритании – 26,8 %), Австрии (Партия свободы Австрии – 19,7 %), Нидерландах (Партия свободы – 13,3 %), Финляндии («Истинные финны» – 12,9 %), Литве (Национальный альянс – 14,2 %).

Однако это не означает, что на этих выборах политика жесткой экономии не была одним из факторов. Этот фактор привел к росту популярности левых партий, а не правых и националистических популистских движений. Наибольших успехов левые популистские партии добились в Греции (СИРИЗА – 26,6 %), Италии («Движение 5 звезд» – 21,1 %), Нидерландах (Социалистическая партия – 9,6 %), Испании («Подemos» – 8 %).

Левопопулисты, как правило, добиваются успеха в странах, которые действительно страдают от экономического и социального кризиса и где осуществляется политика жесткой экономии. С другой стороны, правопопулистские партии преуспели в странах, где нет экономического и социального кризиса или где он проявляется в ограниченном масштабе.

Здесь население боится быть втянутым в решение проблем стран еврозоны со слабой экономикой: они опасаются, что им придется платить за кризис в других странах ЕС.

При анализе причины роста популизма и вялого участия в выборах в Европарламент в глаза бросаются несколько факторов: экономические проблемы и медленный рост экономики на фоне кризиса евро; дефицит демократии и снижение роли национальных политических институтов; по-прежнему одним из основных факторов протестного голосования в пользу правых популистских партий является миграция внутри Европы и приток иммигрантов из-за пределов Европы.

Обманутые ожидания: для многих людей, особенно в Восточной Европе, вступление в ЕС рассматривается как скорейший путь к повышению уровня жизни и экономическому развитию. Высокая степень евроскептицизма в опросах общественного мнения во многих странах – членах ЕС, которые лишь недавно стали членами сообщества, свидетельствует о том, что эти ожидания не оправдались, несмотря на то что экономика ряда стран, например, Польши или Чехии, выиграла от членства в Европейском союзе.

Необходимо сделать правильные политические выводы из результатов выборов. Один из наиболее важных уроков – это правильная интерпретация успеха евроскептиков.

У граждан всех стран ЕС растет сомнение в том, что наднациональный подход ЕС в состоянии решить серьезные проблемы, которые стоят перед континентом и некоторыми странами ЕС. На будущее традиционным политическим партиям можно было бы посоветовать не оставлять артикуляцию этих сомнений на долю лишь одних популистских сил. Как и в любом другом политическом процессе на Земле, в процессе европейской интеграции будут и победители, и проигравшие. Не все получили равные выгоды. Были и неудачные процессы. Даже сторонники Европейского валютного союза признают, оглядываясь назад, что так вводить евро было нельзя. Как только сторонники общей Европы приступят к открытому обсуждению противоречий и проблем европейской интеграции, поддержка евроскептиков ослабнет и обрушится. Если же сторонники общей Европы решат, что результаты выборов означают необходимость более динамичной интеграции и что теперь нужно «больше Европы» и нужен «еще более тесный союз», то они окажут евроскептикам огромную услугу. Европейцы стали евроскептиками не в одночасье. Но люди хотят получить шанс, и политики такой шанс должны им предоставить.

АРИНИН Александр Николаевич, доктор политических наук, член Общественного научно-методического консультативного совета при ЦИК России. Итоги выборов в Европейский парламент впервые за восемь избирательных кампаний зафиксировали рост влияния евро-

скептиков – политиков правого толка, настаивающих на восстановлении национальных границ и возвращении государственного суверенитета. Несмотря на то что лидирующие позиции в Европарламенте сохранили традиционные для этого института силы – правоцентристская «Европейская народная партия», левоцентристский «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» и либеральный «Альянс либералов и демократов за Европу», новые политические силы не будут молчать при проведении чиновниками и парламентариями Евросоюза безответственной политики, игнорирующей национальные интересы стран.

Обращают на себя внимание итоги выборов в Европарламент в целом ряде ведущих стран, где первое место заняли партии, остро критикующие Европейский союз. Например, во Франции под флагом защиты национальных интересов страны убедительную победу над правящей Социалистической партией одержал Национальный фронт (НФ). Во время избирательной кампании лидер НФ Марин Ле Пен предложила демонтировать нынешнюю структуру Евросоюза и построить вместо нее Европу свободных и суверенных государств, «Европу наций» от французского Бреста до Владивостока.

Выборы, как известно, являются механизмом, с помощью которого правящая элита выбирает политический и социально-экономический курс развития страны. Элита, извлекая уроки из итогов выборов, чтобы выжить, должна корректировать курс развития страны с помощью смены власти. Сменяемость власти является механизмом исправления ошибок, благодаря которому страна идет по эволюционному пути развития. По итогам выборов Европарламента смены власти в нем не произошло, но выявились определенные тенденции к исправлению ошибок. В этой связи представляет интерес, какие уроки из итогов выборов Европарламента может извлечь для себя российская правящая элита?

Первым уроком для элиты является необходимость защиты государственного суверенитета России. В современном мире государственный суверенитет страны предполагает способность проводить независимую политику, то есть отсутствие обязывающего к некоей общей линии членства в каких-либо альянсах или группировках, которое заставляет ограничивать свободу действий, требует иметь достаточный экономический потенциал и вес, чтобы такую политику обеспечивать, являясь тем самым важнейшим механизмом демократии. Только в суверенном государстве граждане могут отстаивать свои права и интересы – влиять на политику правящей элиты и, как следствие, на жизнь своей страны. Ибо демократия (власть народа) не может быть в стране, не имеющей суверенитета.

Защита государственного суверенитета страны в значительной степени зависит от правящей элиты, которая должна быть национально ориентированной и независимой от внешнего управления мировыми конкурентами. В суверенной стране правящая элита зависит только от

собственного народа. В свою очередь, народ должен требовать от государства защиты своих прав.

Страны Евросоюза из-за обязывающего членства в НАТО ограничены в свободе своих действий, а правящая элита государств Европейского союза лишена суверенитета. Избиратели стран Евросоюза утратили обратную связь с депутатами Европарламента и, как следствие, возможность влиять на них, что привело к безответственности парламентариев, а с ними и чиновников.

Безответственность политиков и должностных лиц обусловила их некомпетентность. Итоги выборов в ведущих странах Евросоюза свидетельствуют, что избиратели больше не хотят безответственного отношения парламентариев к интересам и запросам граждан, игнорирования наднациональным Европарламентом государственного суверенитета своих стран.

В настоящее время в мире все чаще звучит язык ультиматумов и санкций. Стремление устроить мировую казарму, расставить всех по ранжиру, навязать единые правила поведения и жизни общества подрывает суверенитет стран. Для достижения определенных интересов используются так называемые цветные революции, а по существу, государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне.

В связи с драматическими событиями на Украине оказалось, что в России появилась национально ориентированная правящая элита, которая смогла поставить интересы страны выше собственных эгоистичных интересов и пойти на конфронтацию с Западом даже под угрозой потери части своих денежных средств и финансовых активов, чтобы отстоять национальные интересы в Крыму.

За это правящие элиты США и Евросоюза стали жестко давить на Россию своими незаконными санкциями. В этих условиях российская правящая элита должна уметь держать удар, учиться работать системно, своевременно и компетентно решать проблемы, содержащие потенциальные риски для единства страны и общества.

ГАЛКИН Александр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Выборы в Европарламент могут быть рассмотрены двояко. Один подход (условно назовем его технологическим) предполагает детальное рассмотрение новой расстановки парламентских сил: численность традиционных и формирующихся групп депутатов, специфика возникающих новых внутрипарламентских коалиций, формулирование ими позиций по наиболее острым и сложным вопросам и т.д. Другой подход (преимущественно идейно-психологический) ориентирован на осмысление сдвигов в общественных настроениях и, соответственно, в массовом политическом поведении, выявившихся в результате рассматриваемого электорального акта.

Оба подхода имеют право на существование. Первый привносит в научную копилку конкретные знания, дающие реальные практические результаты. Я по ряду причин, быть может ввиду специфики своих научных интересов, предпочитаю второй подход. Мне представляется, что он открывает дополнительные возможности для более долгосрочных выводов и оценок.

Попытаюсь обосновать эту точку зрения детальней.

Главное, что сделало прошедшие выборы действительно значимым событием, это, на мой взгляд, не та более-менее очевидная перетасовка депутатских мандатов, о которой прогудели комментаторы во всевозможных средствах массовых коммуникаций, но явный рост настроений, которые принято именовать евроскептицизмом. Масштабы сдвигов в этих настроениях, зафиксированных в ходе прошедших выборов в отдельных странах – членах Евросоюза, неоднозначны. В одних (Великобритании и Франции) они внесли серьезные коррективы в облик политического ландшафта. В других (Австрии, Нидерландах, Греции, Венгрии) добавили некоторые дополнительные черты в уже сложившуюся картину. В третьих лишь обозначились как предвестники предстоящих изменений. И тем не менее общая тенденция не вызывает сомнений.

Каковы же причины произошедшего сдвига? Только ли экономические неурядицы последних лет и глубокое недовольство публики продолжающимся массовым наплывом иммигрантов из стран Азии и Африки? Значимость обеих обстоятельств очевидна. И приуменьшать ее было бы неверным. Но стоит ли сводить происходящее только к ним? Чтобы найти правильный ответ на этот вопрос, обратимся к не такому уж давнему прошлому.

После окончания Второй мировой войны общественность наиболее крупных стран Западной Европы активно поддержала усилия своей властвующей элиты, сделавшей ставку на последовательную интеграцию западноевропейского ареала. Эта поддержка не была однозначной и единоподушной. Тем не менее она обозначилась достаточно четко. Если б ее не было, интеграционные усилия не дали бы столь заметных и позитивных результатов, как это произошло вскоре.

Чем определялась названная позиция, реализовавшаяся в виде массовых общественных настроений? Прежде всего и главным образом, сложившейся к тому времени в Западной Европе структурой общественного сознания. В первые послевоенные годы (и даже десятилетия) в ней в большей или меньшей степени доминировали четыре синдрома: антивоенный, антифашистский, антисоветский и тоска по прежней, утерянной роли в мировой системе.

Успех последовавшего интеграционного процесса на протяжении многих лет работал на укрепление этих синдромов. Страны, стоявшие у его истоков, используя приобретенные преимущества, смогли быстрее, чем это представлялось первоначально, преодолеть последствия военной

и послевоенной разрухи и, уверовав в собственное экономическое благополучие, продемонстрировать своему не столь удачливому окружению обоснованность избранного курса. Первоначально немногочисленный интеграционный союз начал, подобно магниту, притягивать к себе соседние страны. Он стал доминировать не только в Западной, но и в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Соответственно трансформировалось и общественное сознание населения сложившегося межгосударственного объединения, которое после серии модификаций стало именовать себя Европейским союзом. Прежние синдромы, как уже отмечалось, на первых порах даже укрепились. Но потом, сохранив свое воздействие, как бы отошли на второй план под давлением новых настроений, основу которых составляли не только рациональная оценка реальных достижений, но и миф о продвижении вперед как неперменной чередой триумфов.

Вместе с тем гражданам стран – членом Евросоюза пришлось со временем убедиться, что интеграционное развитие влечет за собой не только преимущества, но и сложные проблемы. И некоторые из них таковы, что от преимуществ остается не так уж и много.

Оказалось, что создание общего рынка не избавляет общество от экономических кризисов. Напротив, сложность его структуры делает их болезненней, а выход из них – сложнее. И все это больно бьет по уровню жизни и общим условиям существования миллионов граждан.

Стало очевидным, что интеграционный процесс имеет свои территориальные пределы. Их нарушение мстит за себя – причем нередко очень больно. Дополнительные трудности выявились и тогда, когда закономерности экономической интеграции потребовали дальнейшей интеграции политических институтов. Такая интеграция предполагает более масштабную и существенную передачу права политических решений от государств – членом Союза – наднациональным органам, иными словами – бюрократии, пребывающей в Брюсселе. Однако эта бюрократия ухитрилась за прошедшие годы вызвать у населения стран Евросоюза устойчивую реакцию отторжения. В этих условиях дальнейшие попытки ее усиления натолкнулись на особо ожесточенное сопротивление изначально противостоявшего интеграции синдрома национальной идентичности, составляющего неотъемлемую часть национального самосознания, сохранившегося, несмотря на все воздействия истекших десятилетий.

Ослабление, а частично и размывание синдромов, составивших исходную базу ориентации на интеграцию большинства населения Евросоюза, прежде всего в странах, стоявших у ее истоков, породило совокупность разнонаправленных реакций. В разных странах Евросоюза она была различной. Тем не менее уже сейчас в ней во все большей степени обозначилось несколько очевидных тенденций. Во-первых, растущая потребность в обновленной стратегической альтернативе, которая бы в полной мере учитывала как прошлый опыт, накопленный в процес-

се интеграционных усилий, так и особенности ситуации, складывающейся в меняющемся мире. Во-вторых, как вытекающий из этой потребности растущий скептицизм по отношению к тому виду интеграции, с которым практически приходится иметь дело.

Имеет смысл поискать ответ на вопрос, почему расширение евроскептицизма приобрело именно ту форму, в которой оно явилось публике на выборах в Европарламент? Прежде всего, можно со всей очевидностью констатировать демаргинализацию крайних партий. Но выиграла от нее прежде всего правые радикалы. Левым удалось укрепить свои позиции лишь постольку-поскольку. Наибольшие потери понесли правоцентристы. Левоцентристы с трудом сохранили прежние позиции.

Очевидно, что эти итоги ввиду их значимости требуют тщательных дополнительных изысканий. Однако и предварительные выводы вполне очевидны. Правоцентристские партии, находившиеся в ЕС у кормила власти, игнорировав реальную ситуацию в мире и на континенте, не представили избирателям убедительной программы действий и получили по заслугам. Левоцентристы попытались предложить скромный вариант альтернативы, но, не сумев преодолеть гири традиций и выйти за пределы мелких уточнений и поправок, не смогли привлечь на свою сторону евроскептически настроенных граждан. Левые партии еще не оправились от тяжелого урона 90-х годов прошлого века. Поэтому большинство евроскептиков, вовсе не придерживавшихся радикально правых установок, но стремясь продемонстрировать власти свое недовольство отсутствием стратегической альтернативы нынешнему варианту интеграционных усилий, отдали свои голоса правым радикалам.

Колокол пробил набат. Не прислушаться к нему неразумно.

ВАЙНШТЕЙН Григорий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Особенностью нынешних выборов в Европарламент, наложившей существенный отпечаток на их результаты, является то, что эти выборы прошли на фоне весьма глубоких перемен в общественных настроениях европейцев – перемен, в определенной степени отражающих их разочарование в идеях евроинтеграции.

Проект евроинтеграции на всем протяжении своей уже многолетней истории реализации был проектом «верхушечным», своеобразным продуктом политической инженерии европейских правящих элит, и сказать, что он опирался на страстное стремление широких масс европейского населения к европейскому единству, было бы большим преувеличением. Вместе с тем никогда еще прежде уровень общественного одобрения и позитивного отношения рядовых европейцев к идеям евроинтеграции не был так низок, как в последнее время.

Одним из существенных вопросов, на который майские выборы в Европарламент должны были дать ответ, был вопрос о том, в какой мере

новое состояние общественных настроений в Европе отразится на расстановке политических сил в Евросоюзе.

Думается, что никаких особенных сюрпризов в этом отношении выборы не преподнесли. Как и прогнозировалось всеми социологическими службами, выборы в Европарламент привели к заметному укреплению на политической сцене Старого Света позиций так называемых евроскептиков. Причем евроскептиков самых разных оттенков – как тех, кто критикует отдельные аспекты интеграционной практики (мягких евроскептиков), так и тех, кто является прямым оппонентом интеграционного проекта (жестких евроскептиков, или, точнее говоря, еврофобов).

Сегодня экспертное сообщество озабочено вопросом о возможных последствиях произошедшего политического волеизъявления европейцев. Его можно разделить на две составляющие: как итоги выборов отразятся на расстановке на европейской политической сцене и какую роль эти изменения будут играть с точки зрения перспектив евроинтеграции?

Что касается первого вопроса, то появившиеся после выборов некоторые комментарии, оценивающие их результаты как фактор, «драматическим образом меняющий политическую карту Европы», представляются мне известным преувеличением. Электоральные успехи, достигнутые евроскептиками, не меняют принципиальным образом соотношение проинтеграционистских и антиинтеграционистских сил в общеевропейском масштабе. Произошедшее снижение общей поддержки партий мейнстрима (примерно до 15 %) при всей показательности этого явления отнюдь не разрушает все же их политическую гегемонию в Евросоюзе. Конечно, изменения политического ландшафта некоторых европейских стран, и в первую очередь таких крупнейших, как Франция и Великобритания, чрезвычайно существенны. И понятно, что волеизъявление избирателей этих стран не сможет не повлиять на общеевропейскую политику. Однако прежде всего оно отразится именно на национальной политике некоторых стран – членов ЕС и в первую очередь будет иметь значение с точки зрения изменений политического ландшафта отдельных европейских стран.

Если же говорить об изменениях в расстановке политических сил в масштабах Евросоюза, то я думаю, что особый интерес представляет процесс структурирования политических сил внутри самого лагеря евроскептиков. И в этом смысле важно подчеркнуть, во-первых, неоднозначность вектора электорального сдвига в сторону евроскептицизма. Если в ряде стран (причем стран со сравнительно благополучным экономическим положением – Франция, Великобритания, Австрия, Дания, Швеция) успех сопутствовал жестким евроскептикам из лагеря праворадикальных популистов, то в странах, наиболее пострадавших от экономического кризиса – Италии, Греции, Ирландии, Испании и Португалии,

избиратели отдали предпочтение левым популистам, выступающим не против евроинтеграции, а с более или менее жесткой критикой неолиберализма и социальной несправедливости в политике руководства Евросоюза.

Во-вторых, сам успех жестких евроскептиков оказался отнюдь не столь масштабным, как прогнозировали социологи. В некоторых странах праворадикальные противники евроинтеграции выступили менее удачно, чем ожидалось. Например, в Финляндии они хотя и увеличили несколько свое представительство в Европарламенте, в целом получили результат гораздо ниже прогнозируемого. В ряде стран, вопреки ожиданиям, они вообще понесли потери (например, «Партия свободы» в Нидерландах, «Лига Севера» в Италии, «Фламандский интерес» в Бельгии). Весьма незначительны успехи праворадикальных еврофобов в ряде восточно-европейских стран. Так, вовсе утратили своих представителей в Европарламенте «Партия Великая Румыния» и болгарская коалиция «Атака». За исключением Польши, где праворадикальные антиинтеграционисты из партии «Конгресс новых правых» добились успеха, получив 4 места в Европарламенте, в ряде восточно-европейских стран произошло усиление позиций левых популистов, выступающих с позиций более или менее умеренного евроскептицизма. Так, в Болгарии «жестких» евроскептиков из коалиции «Атака» заменили более умеренные противники европроекта из партии «Болгария Без Цензуры». В Венгрии праворадикальные популисты из партии «Йоббик», один из лидеров которой год назад публично сжег флаг Евросоюза, смогли лишь повторить свой результат пятилетней давности и к тому же смягчили свой антиинтеграционистский радикализм, перейдя, по оценкам ряда комментаторов, в категорию умеренных евроскептиков.

Наконец, в-третьих, конституирование общеевропейских политических фракций, предшествовавшее началу работы нового Европарламента, послужило толчком к весьма бурным, крайне противоречивым и чрезвычайно конфликтным перекариваниям того, что можно назвать «политической картой евроскептицизма». В результате лагерь наиболее радикальных противников евроинтеграции оказался в значительной мере расколотым.

Что же касается влияния результатов выборов на перспективы евроинтеграции, то, как видно из сказанного, при всей несомненности электоральных достижений евроскептиков переоценивать эти достижения с точки зрения возможности их превращения в консолидированную силу, способную оказать реальное влияние на решения Европарламента, было бы неверным. Противники евроинтеграции далеки от способности трансформировать свой электоральный успех на этих выборах в непосредственное воздействие на процесс выработки общеевропейской политики. Увеличение их представительства в Европарламенте вряд ли напрямую отразится на его функционировании, которое будет по-прежнему определяться компромиссами политических групп мейнстрима.

Между тем существенное значение приобретают более опосредованные последствия выборов, создающие основу для усиления голоса не только евроскептиков, но и еврофобов в политическом процессе как в масштабах отдельных европейских стран, так и ЕС в целом.

Успех евроскептиков на выборах в Европарламент повышает авторитет и влияние стоящих за ними партий в национальной политике и ведет к усилению роли этих партий в политическом процессе на национальном уровне.

В этих условиях перспективы евроинтеграции становятся, на мой взгляд, довольно неопределенными. Экономический кризис и его последствия нанесли идеям европейского единства тяжелый урон. Как пишут, комментируя результаты майских выборов, эксперты из международного аналитического центра Policy Network, Евросоюз превратился в «больного колосса на глиняных ногах». И сегодня (а по-видимому, и в обозримом будущем) реальной целью европейских политических элит может быть отнюдь не углубление интеграционного процесса, а лишь сохранение достигнутого на этом пути уровня и противодействие тенденциям реставрации национальных суверенитетов. Поэтому наиболее вероятным последствием прошедших выборов будет, на мой взгляд, общее смещение Европарламента к большей сдержанности и умеренности в конкретных решениях по проблемам евроинтеграции.

И последнее. Определенные изменения, произошедшие в расстановке политических сил в Европе, конечно, окажут свое влияние на реализацию европроекта. Однако гораздо более важной проблемой для его будущего являются, на мой взгляд, изменения в социально-психологическом климате континента. Суть этих изменений состоит в том, что подавляющая часть европейского населения в совершенно новом свете воспринимает сегодня смысл и основную цель интеграционной политики. На протяжении ряда десятилетий движущей идеей европроекта, идеей, которой его сторонники старались вдохновить массы, было стремление к новому благополучному будущему единой Европы. В настоящее время в условиях разочарования значительной части европейцев в плодах европроекта реальной основой сохранения массовой лояльности к политике руководства Евросоюза становится не влечение к «общему светлому будущему». Скорее, речь идет об опасениях политических элит перед неопределенностями возврата в прошлое. В такой социально-психологической атмосфере период «бури и натиска» сменяется для поборников европроекта периодом рутинной борьбы за его выживание.

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Светлана Вадимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН. Относительное укрепление позиций правопопулистских и евроскептических сил в Европарламенте после выборов в мае 2014 года аналитики, как правило, рассматривают в виде угрозы для современной европейской политики.

Действительно, расширение полномочий, полученное Европарламентом в рамках Лиссабонского договора вкупе с увеличением доли депутатов, критически относящихся к нынешней интеграционной модели, может если не изменить, то, во всяком случае, замедлить интеграционные темпы, взятые европейскими элитами. Однако плохо ли это для Европы?

Жак Делор сравнивал Европу с велосипедом: она в равновесии, пока движется. Остановится – упадет. После окончания эпохи конфронтации ЕС не останавливался. Реализуя волю своих членов, стремившихся использовать открывшиеся перед ними геополитические шансы, он расширялся территориально, увеличивался количественно и, как следствие, менялся качественно. Провозгласив своей целью «все теснее сплачивающийся Союз», он рванулся вперед, не определив ни конечной формы этого Союза, ни его идейного смысла, ни его географических пределов. В тылу накапливались проблемы, оставленные на те времена, когда у ЕС появится время «остановиться и подумать». *Первая такая возможность* предоставилась сразу после краха амбициозного «Договора о Конституции для Европы»: результатом стал Лиссабонский договор, значительно более реалистичный и менее помпезный. Усиление доли правопопулистских и евроскептических сил в нынешнем Европарламенте – это своего рода «второй звонок» евроэлитам от населения своих стран, шанс по-новому осмыслить цели ЕС и, возможно, на качественно новом уровне сформулировать европейский цивилизационный императив.

Евроскепсис – это не еврофобия. В полемических дискуссиях политические силы, критически относящиеся к курсу, взятому ЕС в последние годы, нередко получают ярлык еврофобов. Данное понятие, опускающее широкое и разнообразное направление политического мышления и политики в Европе до уровня психиатрического заболевания, отражает его суть примерно так же, как, например, понятие «гомофобия» – любой скепсис по отношению к пропаганде гомосексуализма. Современный евроскепсис – понятие, объединяющее необъединимое: разнообразные политические силы и направления философской и политической мысли, по различным причинам критически относящиеся либо ко всему курсу, взятому ЕС в последние два десятилетия, либо к отдельным его моментам. Причем доля тех, кто отвергает интеграцию как таковую, даже не минимальна – она маргинальна. Как правило, евроскептики, как справа, так и слева, подчеркивают свою приверженность идее европейского единства, только вот видят они ее по-своему: в то время как на правом фланге волнуются о национальной идентичности, на левом критикуют антисоциальность современного ЕС. Евроскепсис – не конъюнктурное, а структурное понятие, часть современной плюралистичной европейской идентичности. Будучи оформлен политически, он всегда будет находить своих избирателей. Нынешнее усиление его адептов в Европарламенте – отражение настроений на местах. В силу своей разнообразности евроскептики никогда не договорятся друг с другом в рамках ЕП, но они

придадут остроту парламентарной дискуссии и смогут, возможно, в спорных вопросах повлиять на характер принимаемых решений.

Евроскептицизм, являясь неотъемлемой составной частью современной плюралистичной европейской идентичности, в большинстве своем не противоречит ни общей идее европейского единства, ни европейскому интеграционному императиву, ставя под вопрос (как справа, так и слева) конкретные политические шаги нынешних стратегов ЕС. Обладая собственными представлениями о путях, которыми должно идти интегрирующееся сообщество, евроскептики вносят свой вклад во внутриевропейскую дискуссию. Не располагая, в силу своего идейного и политического разнообразия, возможностями оказать целенаправленное и определяющее воздействие на общеевропейский мейнстрим, они в то же время, опираясь на поддержку депутатов иных фракций, могут оказать влияние на принятие отдельных политических решений в ходе развития ЕС.

БЕЛОВ Владислав Борисович, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН. Выборы в Европарламент подтвердили предварительные прогнозы – явка была невысокой, явных успехов добились националистические, праворадикальные и популистские партии. Высокие результаты Партии независимости Соединенного Королевства во главе с Н. Фаражем в Великобритании и Народного фронта М. Ле Пен во Франции были названы «землетрясением» в этих странах. Средства массовой информации стали говорить о победе евроскептиков и «тяжелых временах», которые ожидают Евросоюз.

При этом мало внимания было уделено тому факту, что в двух других ведущих государствах ЕС: Германии и Италии – протестные партии получили существенно меньше голосов в сравнении с партиями власти, выступающими за углубление процессов европейской интеграции и продолжение курса жестких реформ. Так, итальянская Демократическая партия во главе с Премьер-министром М. Ренци (возглавил правительство три месяца назад) получила 40,8 процента голосов в сравнении с 21,2 процента оппозиционного «Движения пяти звезд», представляющего евроскептиков, и 6,5 процента «Лиги Севера», выступающей против единой валюты (явка избирателей составила почти 60 % при средних 43 % в ЕС).

Созданная весной 2013 года и едва не прошедшая в сентябре того же года в федеральный парламент партия евроскептиков «Альтернатива для Германии» (АдГ) получила ожидаемые 7 процентов голосов. По сравнению с 2009 годом несколько уменьшился удельный вес голосов у партий «Зеленые» и «Левые». Свободная демократическая партия показала очень скромный результат в 3,7 процента (ниже был только в 1999 году – 3 %), подтвердив факт продолжения глубокого кризиса в ее рядах. Всего

депутаты из ФРГ получили 96 мест из 751 (в 2009 году – 99 из 736). Таким образом, их представительство уменьшилось с 13,5 процента до 12,8 процента.

В 2014 году на выборах в Европарламент был отменен трех- и пяти-процентный барьер (в зависимости от стран), что позволило получить в нем места маргинальным партиям. Наряду с решением Конституционного суда ФРГ относительно малых партий, это позволило, например, немецким политическим образованиям «Die Partei» и «OeDP» делегировать в него по одному своему представителю (каждая набрала около 0,6 % голосов – это примерно 185 тыс. голосовавших). Партия «Семьи» получила 0,7 процента голосов, НДПГ – 1 процент, партия «Защиты животных» – 1,2 процента, «Пираты» – 1,4 процента и «Свободные выборщики» – 1,5 процента. Каждая из них теперь представлена в Европарламенте одним депутатом.

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Анализ выборов в Европарламент 2014 года можно осуществить, исходя из результатов для отдельных партий в Федеративной Республике Германия. Здесь важны и ситуативные настроения немецких избирателей, для которых интерес к европейским выборам согласно опросу конца мая возрос до 48 процентов по сравнению с 43 процентами в 2009 году. Опрос не пошедших на выборы избирателей показал, что 68 процентов считают, что «партии в европейской политике мало чем отличаются друг от друга». Участие в неформальной избирательной кампании на пост председателя Еврокомиссии немца Мартина Шульца только 19 процентов посчитали важным при принятии собственного решения. 88 процентов опрошенных немцев полагали, что значимые решения принимаются в Бундестаге, для 66 процентов важен Европейский парламент, что, кстати, на 12 процентов ниже значимости коммунальных органов власти.

Сыграл свою роль в голосовании и еврооптимизм граждан ФРГ: в 2010 году членство в ЕС воспринималось 25 процентами граждан в качестве преимущества, в 2014 году 44 процента граждан увидели плюсы в нахождении в Евросоюзе, 72 процента готовы довериться при необходимости спасения еврофедеральному правительству: оно, по их мнению, должно сделать все, чтобы сохранить единую европейскую валюту. 54 процента немцев признались, что ориентировались при голосовании на внутреннюю политику. Особенностью последних выборов в Европарламент в Германии стала отмена процентного барьера, что вызвало недовольство у многих политиков. Прозвучали упреки в адрес Конституционного суда: якобы он принижает значение выборов в Европарламент. В целом результаты выборов в Германии показали: ситуация остается прежней. Аналитикам придется постараться, чтобы найти в них новизну, а относительно будущей роли «Альтернативы для

Германии» хотелось бы пока воздержаться от далеко идущих выводов, касающихся значения этой партии в партийно-политической системе страны. Замечу одно: ее электорат крайне пестр.

Необходимо рассмотреть другой, с моей точки зрения, более важный вопрос: «Какую Европу хочет видеть в ближайшие пять лет немецкая политическая элита?» – и сосредоточиться на анализе подходов трех правящих партий «большой коалиции»: ХДС, ХСС и СДПГ – к перспективам интеграции.

Участие в интеграционном процессе Германии потребовало, с одной стороны, выработки европейского консенсуса внутри политической элиты ФРГ, что и удалось сделать во второй половине 50-х годов прошлого столетия, когда социал-демократы проголосовали за договоры о ЕЭС и Евратоме; с другой стороны, обеспечения последующих, постоянных согласований по стратегии развития интеграционных сообществ. Последнее происходит поэтапно. Важно подчеркнуть, что в настоящее время наступает очередной этап данного стратегического согласования на элитарном уровне. Оно пока готовится, но его контуры вполне различимы в отдельных речах и партийных программах.

АНАНЬЕВА Елена Владимировна, кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН. В Великобритании на выборах в Европарламент борьба шла за 73 депутатских мандата. Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК) заняла первое место, получив 27,5 процента голосов британских избирателей (23 места в Европарламенте). У лейбористов – 25,4 процента голосов (20 мест), у консерваторов – 23,94 процента (19 мест), а либеральные демократы (ПЛД) потерпели сокрушительное поражение, заручившись поддержкой лишь 6,87 процента британцев (одно место), «Зеленые» – 7,87 процента (3 места), ШНП – 2,46 процента (2 места) при явке избирателей в 34 процента.

Отметим, что ПНСК завоевала даже один депутатский мандат в Шотландии, получив 10,5 процента голосов. Самые большие потери понесли либерал-демократы – еврофилы. В партии заговорили о смене лидера, но соответствующего этому посту претендента пока нет. Лейбористы получили на 7 мест больше, чем на прошлых выборах, но на 4 места в ЕП меньше, чем ПНСК, причем лишь слегка обошли консерваторов (19 мест, на 7 меньше). Для тори результат оказался лучше, чем ожидали, поскольку правящие партии редко выигрывают выборы в ЕП.

Таким образом, ПНСК, не имея ни одного депутата в общенациональном парламенте, получила чуть менее трети от представительства Великобритании в Европарламенте и около 4 процентов от общего количества мест в Европарламенте.

Созданная в 1993 году, ПНСК на парламентских выборах в Британии получает 2–3 процента голосов, но последовательно наращивает свое

представительство в Европарламенте – один процент в 1994 году, 7 процентов (3 мандата) в 1999 году, 16 процентов (12 мандатов) в 2004 году, 16,5 процента (13 мандатов) в 2009 году.

В 2014 году впервые за столетие на общенациональных выборах проиграли обе ведущие партии – тори и лейбористы – традиционные «системные» партии. Победа ПНСК стала возможной благодаря пропорциональной избирательной системе на выборах в Европарламент в Британии, в отличие от мажоритарной на выборах в Палату общин.

Однако делать скидку на избирательную систему не приходится: партия укрепляет свои электоральные позиции и на ежегодных частичных выборах в местные органы власти. В 2013 году ПНСК получила там 23 процента голосов и 147 депутатских мандатов. Ее результат на выборах 2013 года был признан самым большим успехом четвертой партии со времен Второй мировой войны. На других местных выборах в 2014 году она получила 163 места. Конечно, из 4000 мест, за которые шла борьба, партия завоевала немногие, но прибавила 161 место не только за счет тори, но и за счет лейбористов.

Причин взлета ПНСК несколько: ни одна из ведущих партий не пользуется сегодня особой популярностью (причем ПНСК по опросам давно оттеснила Партию либеральных демократов на четвертое место), избиратели «наказывают» основные партии на выборах, которые не имеют судьбоносного значения для жизни страны; на выборах в Европарламент избиратели поддерживают малые партии евроскептиков, а ныне, когда в повестку дня поставлен вопрос о выходе Британии из ЕС, евроскептицизм стал мейнстримом.

Между тем сторонники членства Британии в ЕС в настоящее время преобладают над противниками (42% против 37%), хотя опросы свидетельствуют о росте доли сторонников «брикзита» – выхода страны из ЕС.

РУБИНСКИЙ Юрий Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН. Во Франции выборы в Европарламент 25 мая 2014 года оказались крупным событием не столько в международном, сколько во внутривнутриполитическом плане. Беспрецедентный прорыв ультраправого Национального фронта, список кандидатов которого вышел на первое место, получив 24,95 процента поданных голосов, выглядит особенно впечатляющим на фоне разгрома двух системообразующих партий – правящих социалистов (13,98 %) и оппозиционного правоцентристского Союза за народное движение (20,73 %). Хотя показатели французских евроскептиков вполне сравнимы с успехами их единомышленников в Великобритании или Дании, только во Франции они восприняты как свидетельство глубокого кризиса всей партийно-политической системы, сложившейся в Пятой республике за полвека ее существования.

Разумеется, сдвиг центра тяжести этой системы вправо отнюдь не был неожиданным – он лишь подтверждает глубокое разочарование избирателей в итогах пребывания у власти соцпартии, одержавшей всего двумя годами ранее убедительную победу на президентских, а затем парламентских выборах 2012 года. Стагнация экономики, неуклонный рост безработицы (10,2 % самодеятельного населения – вдвое больше, чем в соседней Германии), все более тяжелое налоговое бремя привели к катастрофическому падению рейтинга президента Франсуа Олланда, доверие которому выражают в ходе опросов не более 18 процентов французов.

В марте 2014 года социалисты потерпели тяжелое поражение на муниципальных выборах, потеряв большинство в советах и посты мэров в 155 городах с населением свыше 10 тысяч человек, в том числе в крупных агломерациях, которые они контролировали нередко на протяжении десятков лет.

В таких условиях перспектива утраты левыми власти на следующих президентских и парламентских выборах 2017 года становится более чем реальной, особенно в том случае, если ее кандидатом будет снова выдвигнут нынешний обитатель Елисейского дворца. В парламентских фракциях партии усиливается недовольство – 41 депутат-социалист из левого крыла отказались голосовать в Национальном собрании за программу жесткой экономии, представленной новым Премьер-министром Мануэлем Вальсом. Личная популярность пользующегося, в отличие от главы государства, репутацией энергичного, волевого политика не смогла подавить эту фронду. Олланду пришлось сменить не только главу правительства, но и первого секретаря партии.

Кризис обеих системообразующих партий, сменявшихся у власти на протяжении более чем трех десятилетий, сыграл на руку ультраправому Национальному фронту (НФ), оказавшемуся центром притяжения протестного электората, особенно экономически уязвимых социальных слоев – рабочих и молодежи. Сохранив пропагандистский багаж основателя НФ Жана-Мари Ле Пена (ксенофобия в отношении иммигрантов, особенно против мусульман, требования ужесточить борьбу с преступностью и т.д.), его дочь Марин сумела на посту лидера смягчить наиболее экстремистские лозунги отца, придав партии более привлекательный облик за счет социал-популистских и патерналистских лозунгов, игры на опасениях французов перед вызовами глобализации, их недовольстве бюрократией Евросоюза.

В то же время Президенту Ф. Олланду удалось выступить в роли объединителя левых евродепутатов, представляющих прежде всего 7 стран – членов ЕС, где они у власти. Лидером «евролевых» при поддержке Парижа стал Премьер-министр Италии М. Ренци, который осуществляет очередное председательство в Совете ЕС. Поддержав кандидатуру люксембургского консерватора-европеиста Ж.-К. Юнкера на

пост председателя Еврокомиссии вопреки британскому премьеру Д. Кэмерону, Олланд имеет шансы прочить на пост его заместителя французского социалиста. Таким образом, французскому Президенту удалось если не полностью компенсировать тяжелое внутривнутриполитическое поражение 25 мая 2014 года, то хотя бы ограничить его последствия в рамках всего Европейского союза.

ФЕДОРОВ Сергей Матвеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. Наиболее впечатляющим итогом евровыборов 2014 года стал значительный успех во многих странах ЕС крайне правых, популистских партий, что произвело эффект «холодного душа» на европейский политический истеблишмент, давно привыкший видеть у руля власти чередование право- и левоцентристов. На этот раз политический маятник неожиданно отклонился далеко вправо.

Если в Великобритании успех крайне правых еще как-то можно списать на традиционный евроскептицизм жителей туманного альбиона, то победа Национального фронта под руководством Марин Ле Пен в стране – основательнице ЕС с традиционно сильной левой политической культурой стала для многих своеобразным шоком. Не случайно многие французские и зарубежные политологи расценили успех ультраправых как второе «политическое землетрясение» после аналогичного события 2002 года, когда во второй тур президентских выборов вышел одиозный лидер НФ Ж.-М. Ле Пен, опередивший, хотя и не намного, социалиста Лионеля Жоспена.

Можно предположить, что победе крайне правых способствовало, помимо общей кризисной ситуации в социально-экономической сфере, сочетание нескольких факторов, причем различных в каждой отдельно взятой стране. Пример Франции в этом плане нам представляется весьма убедительным.

На первый взгляд может показаться, что НФ благодаря последовательной резко критической позиции в отношении евроинтеграции удалось стать своего рода аккумулятором евроскептических взглядов, которых придерживается значительное число французов. Результаты опросов общественного мнения, опубликовавшиеся на страницах практически всех периодических изданий страны накануне выборов, в целом подтверждали эти умонастроения, хотя и с некоторыми важными нюансами.

Так, для 49 процентов опрошенных ЕС ассоциировался с чем-то негативным, в то время как 45 процентов придерживались противоположной точки зрения (6 % не имели однозначного мнения). Лишь 32 процента французов считали Европу экономически выгодной для своей страны, а 58 процентов (!) полагали, что она скорее проигрышна. Не менее критично воспринимали французы и «политическую Европу»: более половины (52%) считали ее препятствием, и только 37 процентов воспринимали в

качестве положительного явления, способствующего открытию границ с другими странами.

Впрочем, опросы зафиксировали явную амбивалентность французского общественного мнения по поводу Евросоюза, позволяющую разглядеть на доминирующем фоне евроскептицизма некоторые оптимистичные оттенки в восприятии Европы. Действительно, 2/3 опрошенных выступали против выхода страны из ЕС, и особенно из зоны евро. Это вдвое больше тех, кто ратует за национальную замкнутость. Примерно по 45 процентов респондентов считало ЕС благоприятным для культурного многообразия французского общества и столько же – угрозой для своей идентичности.

Весьма примечательно, что 64 процента французов выступали против дальнейшего расширения Евросоюза, поддерживая идею концентрации и углубления интеграции в рамках исторического ядра ЕС. 29 процентов считали, что нужно сохранить статус-кво. И лишь 7 процентов были готовы поддержать дальнейшее расширение ЕС.

Европейская идентичность, судя по опросам, явно уступает чувству национальной принадлежности – 65 процентов опрошенных чувствовали себя прежде всего французами, а уже потом гражданами ЕС.

МАСЛОВА Елена Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник Института Европы РАН, преподаватель МГИМО (У) МИД РФ. Итоги голосования в Италии опровергли многие прогнозы, высказывавшиеся накануне, когда политические обозреватели пророчили успех евроскептикам. Впечатляющего результата добились не они, а Демократическая партия (ДП) Маттео Ренци, генеральным секретарем которой он является с декабря 2013 года, — за партию проголосовало 40,8 процента итальянцев (результат предыдущих европейских выборов 2009 года — 26,1%). Таким образом, депутаты партии М. Ренци займут значительное число кресел во фракции социал-демократов (ПАСД) Европейского парламента.

Одновременно с выборами в Европейский парламент в Италии прошли частичные административные выборы, на которых кандидаты от Демократической партии в общем зачете также одержали победу. Рекордный результат Демократической партии Италии во многом можно связать с харизматичной личностью самого Маттео Ренци. Последние опросы общественного мнения показывают уровень поддержки лидера в 57 процентов. Маттео Ренци пока удается завоевывать доверие не только в парламенте, но и среди населения.

Выборы в Европейский парламент служат барометром настроения граждан стран – членов ЕС. На фоне возросшего евроскептицизма и роста популярности радикальных партий итоги выборов в Европарламент в Италии внушают некоторый оптимизм. Министр иностранных дел Федерика Могерини записала в своем блоге, что в данный момент

Италия представляет собой надежду для Европы. По ее словам, после таких итогов голосования, а также принимая во внимание грядущее председательство страны в Совете ЕС, Италия не должна «просить» у Европы, а напротив, намерена играть роль протагониста в создании новой повестки дня.

АВИЛОВА Агнесса Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Выборы в Европарламент принесли крупную победу правящей итальянской Демократической партии (ДП). Демократы набрали 40,8 процента голосов – больше, чем удавалось получить какой-либо партии в Италии после 1958 года, и оказались первыми в 107 из 110 провинций страны. Относительно высокий уровень активности электората (около 60 %) позволяет считать этот результат достаточно полным отражением общественных настроений накануне «итальянского полугодия» в ЕС. Лидер партии, премьер-министр М. Ренци придает этому успеху большое значение, рассматривая его, с одной стороны, как выражение поддержки начавшихся в Италии реформ, а с другой – как отличную предпосылку и основание для возобновления дискуссии о необходимости смягчения проводимого руководством ЕС неолиберального курса и возвращения к основам европейской социальной политики. Доминантой в обоих случаях служит идея «перемен»: в последних выступлениях Ренци органично переплетаются формулировки «1000 дней, чтобы преобразовать Италию» и «сегодняшнюю Европу необходимо изменить».

Перспективы перемен в Италии были изложены М. Ренци в Брюсселе в виде развернутого плана реформ. Он объединяет несколько взаимосвязанных блоков: реформу налогового законодательства, включая снижение подоходного налога (первый шаг в этом направлении был высоко оценен населением, что сыграло свою роль в электоральном успехе ДП) и социальных выплат, обременяющих предпринимательство; реформу рынка труда, впервые понимаемую как модернизация всей системы социального обеспечения в увязке с более гибким порядком найма и увольнения, а также с рядом смежных нововведений; административную реформу, направленную на обновление кадров госаппарата и упорядочение расходов по его содержанию; реформы судебной системы, избирательного законодательства и отдельных элементов конституционного устройства, создающие основу для внутривнутриполитической стабильности, которой остро не хватало в Италии, по крайней мере, в последние 20 лет. Эта комплексная программа, финансируемая полностью за счет внутренних ресурсов, ставит целью осуществить рывок, который вывел бы Италию из положения главной «больной» экономики Европы, вернув ее на траекторию устойчивого роста. Правительство, однако, считает, что «и Европа должна пройти свою часть пути»: отказаться от прямолиней-

ного толкования принципа бюджетной дисциплины, резко ограничивающего возможности роста для проблемных экономик, и согласиться на смягчение экономического курса.

Тезис о необходимости смягчения (сдвига) в экономической политике ЕС, которая для стран Южной Европы обернулась разрушительными социальными последствиями, прозвучал и в февральском выступлении президента Дж. Наполитано в Страсбурге незадолго до прихода к власти правительства Ренци. Более гибкая экономическая политика могла бы, в первую очередь, заключаться в изменении порядка подсчета бюджетного дефицита. Согласно Пакту стабильности и роста, действующему в ЕС, «чрезмерный дефицит», превышающий 3 процента ВВП, влечет за собой применение санкций к стране-нарушителю. Однако есть возможность не включать в подсчет производительные инвестиции, осуществляемые государством. Это предложение, безуспешно отстаиваемое в свое время М. Монти, сейчас снова выдвигается на первый план. Ту же методику предлагается применить и при использовании финансовых ресурсов Европейского инвестиционного банка, а также ассигнований фондов ЕС на цели производительного инвестирования в проблемных странах. Этот подход имеет своих сторонников и в руководстве ЕС: например, за него высказывается председатель Европарламента социал-демократ М. Шульц. Решительным противником такого новшества всегда выступала Германия.

С 1 июля Италия становится государством – председателем ЕС. Итальянский лидер предлагает новое понимание Пакта стабильности и роста: по его мнению, Пакт нарушают те, «кто говорит только о стабильности, а не о росте. Невозможна стабильность без роста. Отсутствие роста – это застой... Нынешняя Европа должна быть изменена... Недостаточно иметь общую валюту, надо разделять идею общей судьбы и общих ценностей».

Призывая тем самым вернуться к исходным принципам европейской социальной политики, опирающейся на идею сплочения, и критикуя сегодняшнее состояние ЕС, М. Ренци выражает настроения, достаточно широко распространенные на его южной периферии. Выборы выявили в этом субрегионе заметный сдвиг: от Южной Европы в Европарламент прошло почти 30 процентов нового состава фракции ПАСД и почти половина депутатов, стоящих слева от левого центра. Открытым остается вопрос, какую поддержку получит от них Италия в своих попытках повлиять на экономическую и социальную политику ЕС в период своего председательства.

ВЕРНИКОВ Владимир Леонидович, руководитель Центра Иберийских исследований Института Европы РАН. В западном политологическом сообществе бытует мнение, что итоги выборов в Европарламент в весьма малой степени отражают истинное соотноше-

ние политических сил в отдельно взятой стране. Потому что эти выборы не решают проблему власти в стране, а выборы европейских чиновников – это возможность «насолить» своим политическим противникам, и не более того. Нынешние выборы, на мой взгляд, убедительно подтверждают это мнение, хотя Франция и Великобритания заставили общественное мнение Европы содрогнуться не только от побед правых евроскептиков над традиционными политическими партиями, но и от волны воинствующего национализма.

В Испании особых неожиданностей не произошло, и предвыборные расклады аналитиков полностью подтвердились: правящая Народная партия потеряла 8 депутатов, получив 16 мандатов, оппозиционная ИСРП потеряла 9 мест, получила 14. В выигрыше оказались левые, выступавшие в блоке под названием «Izquierda plural» (6 мест), и новое левое движение на национальном небосклоне «Podemos» (в переводе «Мы можем») (5 мандатов), а также каталонские республиканцы, которые выступают за независимость автономии. Они набрали у себя дома 24 процента голосов, что дало им 2 депутатских места, и традиционная «Конвергенция и Союз», получившая поддержку 22 процентов избирателей.

Такой итог почти ни о чем необычном для Испании не говорит, это не ураган, а слабый ветерок в спину двум ведущим политическим оппонентам. Потому что бипартийности в стране в реальности никто и ничто не угрожает, да и новых фигур среди кандидатов в евродепутаты было очень мало. Многие подтвердили свои мандаты – это, как правило, отставные чиновники или партийные функционеры, негодные нынешним лидерам партий, для которых Европарламент – то ли почетная ссылка, то ли благодарность за прежние услуги. Цену им всем испанский избиратель знает и голосует по принципу – с глаз долой и подальше от национальных выборов любого уровня. Не буду приводить конкретных примеров – это в большинстве своем политики, уже вышедшие в тираж, получающие огромные зарплаты еврочиновников, а такая тенденция вызывает неприязнь у избирателя, и он голосует соответственно.

Лидер правящей Народной партии Мариано Рахой, подводя итоги выборов, постарался успокоить общественное мнение и смикшировать неудачу своей партии тем, что она набрала голосов больше всех других, а вместе с социалистами в стране удалось сохранить политическую стабильность. «В других странах, – сказал он, – правительства вообще оказались третьими. Выборы в Европарламент обычно легально используются для наказания как правительства, так и оппозиции. Но большинство все же сделало ставку на взвешенность и благоразумие. Я верю в здравый смысл испанцев. У больших стран всегда есть две большие партии». Иной взгляд на итоги выборов у лидера движения «Мы можем» Пабло Иглесиаса: «Наша задача – начиная с завтрашнего дня создать политическую альтернативу действующему правительству.

Нас уже много. Мы начнем сотрудничать с другими товарищами из стран юга Европы, чтобы вместе заявить в Европарламенте, что мы не хотим быть ни колонией Германии, ни колонией «тройки» кредиторов». Члены движения называют себя «настоящими левыми», готовы сотрудничать со своими левыми единомышленниками и утверждают, что «традиционные испанские социалисты погрязли в бюрократии и оторвались от народа».

Так что не случайно решение Хуана Карлоса об отречении от трона было обнародовано через 10 дней после выборов. Насколько это был подходящий момент – за 5 месяцев до референдума, – сказать трудно, но своему преемнику – молодому и не искушенному в политическом маневрировании королю Фелипе VI он оставил для решения сложную национальную головоломку. Тем более что каталонские и баскские националисты из различных политических партий в подавляющем своем большинстве – убежденные республиканцы, для которых что старый король, что новый – анахронизм для XXI века.

АНТЮШИНА Наталия Михайловна, кандидат экономических наук, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН. В настоящее время квота Дании в Европейском парламенте составляет 13 депутатских мандатов. Выборы 2014 года привели к изменению соотношения политических сил в датской части этого европейского органа. На этот раз правящая партия социал-демократов и ее предшественник у власти – либералы, а также Социалистическая народная партия Дании ухудшили свои позиции, в то время как праворадикальная Датская Народная партия удвоила количество мест, получив почти 27 процентов голосов датских избирателей. «Народное движение против ЕС» сохранило свои позиции.

Изучение персонального состава представителей Европейского парламента, избранных от Дании, показывает, что шесть депутатов из общего числа (13), были избраны повторно, то есть датские избиратели выразили удовлетворение их деятельностью на европейском уровне. Можно сказать, что работа в законодательном органе ЕС превратилась в разновидность профессиональной деятельности для части датских политиков, о чем говорит довольно высокий процент переизбрания.

Датская Народная партия оценила итоги выборов 2014 года как свой триумф: ей удалось удвоить количество европейских мандатов. Она получила 26,6 процента голосов всех датских избирателей. ДНП оказалась победительницей в 71 избирательном округе Дании из 92. Это – наилучший результат ДНП за всю ее историю, начиная с 1995 года. Этот итог сравним с результатами «Народного движения против ЕС» в его лучшие годы (а именно на протяжении трех избирательных кампаний 1979, 1984 и 1989 гг.). Социал-демократы получили на этих выборах только 19,1 процента голосов, 16,7 процента – у либеральной партии.

Явка избирателей составила 56,4 процента, что ниже, чем на предыдущих европейских выборах в Дании в 2009 году.

ДНП проводила кампанию под лозунгом восстановления пограничного контроля и снижения социальных пособий, выплачиваемых гражданам других стран ЕС, которые постоянно проживают в Дании. Главный кандидат в Европейский парламент от ДНП – Мортен Мессершмидт сказал, что результаты выборов в ЕП явно указывают на то, что датчане не хотят углубления интеграции и расширения полномочий европейских органов, не желают, чтобы ЕС вмешивался в решение всех вопросов, а ограничился бы решением только тех вопросов, которые требуют интеграционного уровня. По его мнению, это лишь сотрудничество в сфере торговли, экологии и энергетики. Представители ДНП в ЕП присоединились к парламентской группе в ЕП «Европейские консерваторы и реформисты» (ECR).

Датские либералы сохранили свои три места в Европарламенте, но внутри парламентской группы «Альянс либералов и демократов» (ALDE) произошли перемены. Раньше в нее входили три представителя датской партии Венстре (либералы), а теперь входят два представителя Венстре и один представитель Левых Венстре. Датские либералы сначала утратили правительственную власть в королевстве, уступив ее правительству Левого центра, а затем провели избирательную кампанию в Европарламент с самым плохим за последние 25 лет результатом.

Противники ЕС пользовались наибольшим влиянием в датской части Европарламента по результатам выборов в 1979, 1999 и 2014 годах. На выборах 2014 года, получив 5 мандатов, они вернули себе прежние позиции. Но состав этой пятерки зеркально изменился: если раньше один депутат был из правых и четыре из левых, то теперь наоборот: четыре депутата представляют праворадикальную партию (ДНП) и один депутат – левоориентированное «Народное движение против ЕС».

ПЛЕВАКО Наталия Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. 2014 год для Швеции – год выборов. В мае избиратели пришли на участки для голосования, чтобы отдать свой голос за выдвигаемых партиями кандидатов в Европейский парламент, в сентябре состоялись очередные выборы в национальный парламент – Риксдаг. Вполне естественно, что результаты тех и других выборов разнятся. Несмотря на то что большинство голосов на выборах в Европарламент (ЕП) отдается традиционным крупным партиям, неожиданного успеха часто добиваются партии нетрадиционного толка или протестные партии, взявшие на вооружение какую-либо актуальную в данный момент проблему.

Они не могут преодолеть 4-процентный барьер на выборах в Риксдаг, но преодолевают его на выборах в Европейский парламент, где, по меткому выражению политологов, избиратели голосуют сердцем чаще, чем на

выборах в свой парламент. В откликах на выборы в ЕП, в данном случае в Швеции, можно услышать утверждение, что пришло время малых партий, что традиционные партии теряют своих сторонников. Думается, что говорить об этом еще рано, и хотя потери традиционных партий налицо, в сентябре результаты победителей общеевропейских выборов оказались, как и ранее, намного скромнее, а некоторые и вовсе не смогли преодолеть 4-процентный барьер. Тем не менее выборы в Европарламент помогают уловить тенденцию, настроения масс, господствующих в обществе, предпочтения, которые по той или иной причине отдаются в данный момент какой-либо партии.

В Швеции, в отличие от ее скандинавских соседей, на политической арене все еще действуют два блока (ранее называвшиеся буржуазным и социалистическим, а теперь чаще – Альянсом и блоком «красно-зеленых»)¹, противостоящие друг другу на выборах и при формировании правительства и являющиеся таким образом некими антагонистами, несмотря на то что в парламенте смешанные, межблоковые голосования являются обычной практикой. После сентябрьских выборов в Риксдаг, не принесших победившей на них «красно-зеленой» коалиции абсолютного большинства, сложилась неопределенная ситуация относительно формирования будущего правительства. Обсуждались возможности коалиции социал-демократов и партии Охраны окружающей среды, а также межблоковое соглашение. Однако на выборах в ЕП результаты голосования за ту или иную партию воспринимались сквозь призму блоковой политики, т.е. победа или поражение какой-либо партии воспринимались как успех или неуспех блока, хотя общей блоковой стратегии выработано не было. Каждая партия выступала самостоятельно, стараясь провести в ЕП как можно больше своих сторонников. Предстоящие сентябрьские выборы, несомненно, усугубляли эту тенденцию. Посмотрим, как выглядели результаты голосования за партии, входящие в оба блока, отражают ли они политические настроения в стране, меняются ли симпатии избирателей, можно ли говорить о «полевении» или «поправении» политического спектра.

На выборы в Европарламент пришел 51 процент избирателей, что на 5,5 процента выше, чем на прошлых выборах в 2009 году. Наибольшее число голосов, как и на предыдущих выборах, набрала крупнейшая партия страны – социал-демократы (24,2 %), потеряв, однако, по сравнению с голосованием в 2009 году 0,2 процента. Цифра незначительная, но достаточно символическая, говорящая о том, что провал партии в 2009 году лишь усугубился в мае 2014 года.

---

¹ В Альянс входят: Умеренная коалиционная партия, Народная партия – либералы, партия Центра и Христианско-демократический союз. В блок красно-зеленых: социал-демократы, партия Охраны окружающей среды и Левая партия. Особняком стоит партия «Шведские демократы», которая вошла в парламент в 2010 году.

Намного хуже обстояли дела у возглавляющей коалицию буржуазных партий Умеренной коалиционной партии. Она потеряла 5,1 процента голосов, набрав всего 13,6 процента. Таким образом, она утратила место второй партии страны в избирательном списке, уступив его партии Охраны окружающей среды – зеленым, что стало большой неожиданностью для всех.

Еще одним проигравшим игроком в Альянсе оказалась Народная партия – либералы, набравшая всего 9,9 процента голосов (–3,6 %). Эта партия позиционирует себя в качестве партии, наиболее благожелательно относящейся к Европейскому союзу, предполагающему сотрудничество европейских стран, в рамках которого легче будет решить такие проблемы, как занятость, изменения климата, безопасность, стабильность, демократия. Таким образом, на выборах потеряли голоса традиционные партии мейнстрима, а в условиях евровыборов, когда соперничество СДРПШ и Умеренной коалиционной партии меньше, чем на парламентских выборах, избиратели отдали свои голоса малым партиям, выдвигающим и остро ставящим проблемы, которые волнуют население.

ПЛЮСНИН Роман Михайлович, аспирант Института Европы РАН. Выборы в Европейский парламент в Финляндии не принесли каких-то неожиданных или сенсационных результатов. Они четко отразили *те тенденции, которые сейчас наблюдаются в ее политической среде.*

В политической жизни Финляндии последних лет наиболее популярной стала риторика умеренной критики ЕС. То есть среднестатистический финн ни в коем случае не выступает против Европейского союза как такового, но он хочет, чтобы его страна была максимально самостоятельна в принятии решений в рамках этой интеграционной группировки. Эти настроения были уловлены правительством Юрки Катайнена, при котором впервые в голосе Финляндии на общеевропейской арене зазвучали нотки несогласия. Таким образом, на нынешнем этапе практически совпадает уровень евроскептицизма Коалиционной партии и Партии Центра, которая всегда была в той или иной мере представителем умеренной критики евроинтеграции. Основные же разногласия между партиями лежат в сфере внутренней политики. В итоге политическая линия, избранная Коалиционной партией, позволила ей обойтись на выборах в ЕП малыми потерями. Она осталась первой в процентном отношении, сохранив три места в Европарламенте. А вот у более последовательных сторонников европейской интеграции из Социал-демократической партии электоральная ситуация ухудшилась. В большей мере этот спад был вызван недовольством политикой партии на внутренней арене, когда за годы нахождения председателя СДПФ Утты Урпилайнен на посту министра финансов Финляндии экономическое положение в стране не улучшилось, а социальная защищенность населения уменьшилась. Именно это в первую очередь привело к тому, что на рассматриваемых выборах в

Европейский парламент Социал-демократическая партия заняла лишь четвертое место, что, правда, не отразилось на числе ее представителей в этой структуре.

Основными победителями на данных выборах стали оппозиционные партии. Партия Центра оправилась от поражения на парламентских выборах с помощью последовательной критики внутренней политики правительства и умеренной критики слишком слабого голоса Финляндии в рамках объединенной Европы. Кроме того, в последние годы Партия Центра стала наиболее влиятельной политической силой среди других партий, придерживающихся консервативных ценностей. Популярность подобных идей нельзя не отметить по итогам выборов в Европарламент во многих странах Европы. В итоге данная партия на рассматриваемых выборах лишь немного уступила Коалиционной партии и сохранила за собой три места в Европейском парламенте. Другая оппозиционная партия «Истинные финны» также показала значительный рост относительно прошлых выборов и заняла итоговое третье место, увеличив число своих представителей в данной структуре до двух депутатов вместо одного. Успех данной партии во многом построен на резкой критике европейской интеграции как таковой, поддержке полной самостоятельности своей страны. Кроме того, партия выступает за сокращение иммиграции в Финляндию и увеличение социальной поддержки коренного населения.

ВЛАСОВА Ксения Викторовна, кандидат исторических наук, руководитель Центра стран Южной Европы и Восточного Средиземноморья Института Европы РАН. Из общего количества населения Греции в 9,9 млн человек в голосовании в Европарламент приняло участие приблизительно 5,6 млн человек, или 56,6 процента населения (в 2009 году – 52,6 %).

Исходя из данных экзитполов, стало ясно, что уже на стадии предварительных подсчетов по итогам выборов первое место получает Коалиция радикальных левых сил (СИРИЗА) (27 %), второе место – правящая партия «Новая демократия» (24 %), третье – ультраправая «Золотая заря» (9,5 %). Альянс «Оливковое дерево», в который входит «Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК), занял четвертое место (8,5 %) и т.д.

Данные экзитполов практически совпали с окончательными результатами выборов. Первое место получила СИРИЗА, набрав в конечном итоге 1,5 млн голосов, или 26,57 процента. Из 21 мандата в Европарламенте за СИРИЗА закреплено 6 (на 5 больше по сравнению с предыдущими выборами 2009 года). Второе место заняла правящая партия «Новая демократия», получив 1,3 млн голосов, или 22,72 процента, потеряв по сравнению с предыдущими выборами 3 депутатских кресла. Третье место оказалось у ультраправой, фактически неонацистской, партии «Золотая заря», получившей три депутатских кресла: за нее отдали голоса почти 537 тыс. греков (9,39 %).

«Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК), входящее в альянс «Оливковое дерево» вкупе с несколькими более мелкими греческими партиями, получило 458 тыс. голосов (8,02 %), потеряв по сравнению с предыдущими выборами в ЕП 6 депутатских мест. По 2 мандата получили новая левоцентристская партия «Река» («Потоми») (377 тыс. голосов, или 6,6 %) и «Коммунистическая партия Греции» (349 тыс. голосов, или 6,11 %). Правоцентристская партия «Независимые греки» замыкает список партий, получивших депутатские места в Европарламенте, завоевав один мандат по итогам полученных 198 тыс. голосов, или 3,46 %.

Если говорить об общих итогах греческих выборов в Европейский парламент, то необходимо отметить следующее.

Во-первых, несмотря на общие низкие показатели явки избирателей по Европейскому союзу, греки вновь подтвердили значительную активность. Это объясняется параллельным проведением наряду с евровыборами второго тура региональных и местных выборов, которые, по сути, интересовали обычного грека куда сильнее, чем выборы в Европейский парламент. Кроме того, Греция является своего рода рекордсменом среди стран – членов Евросоюза по числу кандидатов на одно место в Европарламенте: на 21 место предъявляют свои права 1299 кандидатов от различных греческих партий, т.е. на одно депутатское кресло претендуют в среднем 69 человек.

Во-вторых, по результатам выборов традиционные греческие партии – «Новая демократия» и ПАСОК, который вдобавок выступил в коалиции с другими малочисленными партиями, – продолжают проигрывать представителям радикального левого направления. И поскольку СИРИЗА выиграла у правящей «Новой демократии» почти 4 процента, ее лидер А. Ципрас предложил немедленно провести досрочные выборы в национальный парламент, на что премьер-министр Греции А. Самарас заметил, что 4 процентов недостаточно для проведения досрочных парламентских выборов и ускорения проводимых реформ.

В-третьих, несмотря на отказ провести досрочные парламентские выборы, А. Самарас был все же вынужден сделать значительные перестановки в правительстве, назначив 8 новых министров из 20. В частности, новым министром финансов Греции вместо Я. Стурнараса, при котором Афины добились первичного профицита государственного бюджета и который уже назначен главой Центрального банка Греции, стал Г. Хардувелис, являвшийся финансовым советником при правительствах К. Симитиса и Л. Пападемоса, а также главой экономических исследований в группе Eurobank. Однако, по опросам общественного мнения, греки пока не видят изменений к лучшему и не верят, что обновление кабинета министров может положительно отразиться на их повседневной жизни. Как говорится, правительство новое – проблемы старые.

Таким образом, голосование греков в Европейский парламент в 2014 году показывает, что, с одной стороны, традиционные партии Греции продолжают перманентно терять голоса своих избирателей, а с другой – радикальные левые и ультраправые постоянно наращивают популярность за счет антиправительственной риторики в условиях сложившейся социальной напряженности, сознательно провозглашая отказ от режима жесткой экономии и дальнейших переговоров с международными кредиторами по облегчению бремени государственного долга.

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович, доктор политических наук, руководитель Центра международных проектов и программ Института «Справедливый мир». Прежде чем приступить к анализу итогов выборов в Европейский парламент 2014 года, напомним, что представляют из себя общеевропейские политические партии (ОЕПП), которые являются главными политическими акторами этих выборов.

ОЕПП – это официально признанные Европейским союзом (ЕС) политические партии, которые в отличие от национальных партий, действующих в одной стране, присутствуют в нескольких странах – членах ЕС и участвуют в работе учреждений Евросоюза. Деятельность ОЕПП регулируется и финансируется ЕС. Как правило, они состоят из национальных партий, а не отдельных лиц. ОЕПП имеют исключительное право на агитацию во время выборов в Европарламент и создание в нем фракций.

Напомним краткую хронологию формирования института ОЕПП:

1992 год. В Маастрихтский договор добавлено положение о том, что «Политические партии на европейском уровне способствуют формированию европейского политического сознания и выражению воли граждан Евросоюза». Таким образом, впервые было введено понятие «политическая партия на европейском уровне».

1997 год. Подписан Амстердамский договор, в котором в том числе был определен порядок финансирования ОЕПП из европейского бюджета.

2001 год. Принят Ниццкий договор, согласно которому финансирование ОЕПП совместно регулируют Европарламент и Европейский совет.

2003 год. 4 ноября Европарламент и Европейский совет утвердили Регламент № 2004/2003, запретивший прямо или косвенно финансировать национальные партии из бюджета ЕС.

2007 год. 18 декабря принят новый Регламент № 1524/2007 Европарламента и Европейского совета, разрешивший ОЕПП финансировать за счет европейского бюджета деятельность аффилированных с ними мозговых центров. Также новые правила закрепили за ОЕПП исключительное право на агитацию во время выборов в Европейский парламент.

В соответствии с европейским законодательством для получения статуса ОЕПП организация должна отвечать следующим критериям: иметь статус юридического лица, в том числе в государстве – члене ЕС, где находится орган управления партией; соблюдать основополагающие принципы ЕС – демократия, уважение прав человека и основных свобод, а также верховенство закона; участвовать в выборах в Европарламент или объявить о намерении это сделать; иметь представительство минимум в 1/4 государств – участников ЕС в лице евродепутатов или депутатов национальных (региональных) парламентов либо минимум три процента голосов в 1/4 государств – членов ЕС на последних выборах в Европарламент; ежегодно публиковать отчет о доходах, расходах, активах и пассивах; представить список доноров, пожертвования которых превышает 500 евро; не принимать следующие пожертвования: анонимные, более 12 000 евро в год, из бюджетов фракций Европарламента и национальных партий, если они превышают 40 процентов их годового бюджета, от компаний, подконтрольных органам государственной власти; формировать бюджет, по крайней мере, на 15 процентов из других источников; подавать заявление на получение финансирования не позже 30 сентября.

В настоящее время существует 13 ОЕПП, признанных ЕС:

1. Европейская народная партия (European People's Party) – христианские демократы, либеральные консерваторы, создана в 1976 году.

2. Партия европейских социалистов (Party of European Socialists) – социал-демократы, действует с 1992 года (с 1973 года имела место в Конфедерации социалистических партий).

3. Европейский свободный альянс (European Free Alliance) – регионалисты, сторонники независимости, действует с 1981 года.

4. Альянс либералов и демократов за Европу (The Alliance of Liberals and Democrats for Europe Party, ALDE Party) – либералы, действует с 1993 года.

5. Европейское христианское политическое движение (European Christian Political Movement) – социальные консерваторы, действует с 2002 года.

6. Европейская партия зеленых (European Green Party) – «зеленые», действует с 2004 года.

7. Партия европейских левых (Party of the European Left) – левые социалисты, коммунисты, действует с 2004 года.

8. Европейская демократическая партия (European Democratic Party) – центристы, действует с 2004 года.

9. Демократы ЕС – Альянс за европейскую демократию (EU Democrats (EUD) – Alliance for a Europe of Democracies) – евроскептики, действует с 2005 года.

10. Альянс европейских консерваторов и реформистов (Alliance of European Conservatives and Reformists) – консерваторы, антифедералисты, действует с 2009 года.

11. Альянс европейских национальных движений (Alliance of European National Movements) – националисты, ультраправые, евроскептики, действует с 2009 года.

12. Европейский альянс за свободу (European Alliance for Freedom) – евроскептики, действует с 2010 года.

13. Движение за Европу свобод и демократии (Movement for a Europe of Liberties and Democracy) – евроскептики, национальные консерваторы, действует с 2011 года.

Как видно, в последние годы на европейской политической арене появился ряд партийных объединений, так называемых евроскептиков: Альянс европейских консерваторов и реформистов; Альянс европейских национальных движений; Европейский альянс за свободу; Движение за Европу свобод и демократии.

22–25 мая 2014 года 500 миллионов европейцев могли избрать своих европейских парламентариев. Депутаты ЕП избираются на 5 лет. После присоединения Хорватии к ЕС в июле 2013 года общее число депутатов ЕП составило 766. В новом составе ЕП будет на 15 депутатов меньше, чем 5 лет назад. После выборов 2014 года их количество уменьшилось до 751. Германия потеряла три места, Австрия, Бельгия, Болгария, Хорватия, Чехия, Греция, Венгрия, Ирландия, Латвия, Литва, Португалия и Румыния – по одному месту.

Но при этом полномочия и роль нового ЕП, а следовательно европейских выборов, в значительной степени возрастают. В соответствии с Лиссабонским договором (пункт 5 статьи 17)² Европейский совет, включающий глав государств-членов, должен будет принять во внимание результаты европейских выборов при выдвижении кандидатуры председателя Европейской комиссии, главы «исполнительной власти ЕС», которого будет избирать Европарламент. Это обстоятельство было воспринято ЕП как сигнал того, что общеевропейские партии могут выдвигать собственных кандидатов на должность Председателя Еврокомиссии и кандидат от победившей ОЕПП должен будет предлагаться Европейским советом на утверждение ЕП.

Главный итог прошедших выборов заключается в том, что не оправдались многочисленные прогнозы разного рода экспертов и журналистов относительно того, что на этих выборах сокрушительную победу одержат крайне правые или так называемые евроскептики. В целом композиция нового состава Европарламента осталась примерно такой же, как и в прошлые годы.

² Лиссабонский договор (официальное название – «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Евросоюзе и Договор об учреждении Европейского сообщества») – международный договор, подписанный на саммите ЕС 13 декабря 2007 года в Лиссабоне, который призван заменить собой не вступившую в силу Конституцию ЕС и внести изменения в действующие соглашения о ЕС в целях реформирования системы его управления.

КАНДЕЛЬ Павел Ефимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра средиземноморских и черноморских исследований Института Европы РАН. Разговор о выборах в Европарламент в странах Юго-Восточной Европы (Словении, Болгарии, Румынии и Хорватии) стоит начать с парадокса: главной их сенсацией стало отсутствие сенсаций, которыми сопровождалось голосование в «старой» Европе. Такой итог кажется странным в беднейшем регионе Европы, особенно остро переживающем последствия экономического и финансового кризиса. Он тем более удивителен, поскольку в этих странах течение политической жизни в последние годы не раз нарушалось массовыми протестными выступлениями, за которыми следовала смена власти.

Голосование в целом подчинялось обычной логике политической борьбы: правящие партии в условиях кризиса по большей части проиграли, оппозиционные (при достаточной их консолидации) – выиграли. Объединение приносило успех, расколы вели к неудачам. Новички, набравшие необходимый политический капитал, появились, но значимого прорыва новых политических сил не наблюдалось. Итогом европейских баталий стало объявление досрочных парламентских выборов в Словении и Болгарии, но список действующих лиц и исполнителей, пользующихся при этом весьма малым доверием избирателей, принципиально не изменился.

Явка на выборах в Европейский парламент всегда была в этих странах не слишком высокой и ниже, чем в среднем по ЕС. На этот раз она еще немного снизилась и составила 20,9 процента в Словении (28,3 % в 2009 году), 35,5 процента – в Болгарии (38,9 % в 2009 году), но несколько выросла в Румынии до 32,1 процента (27,6 % в 2009 году) и Хорватии – до 25 процентов (20,8 % в 2013 году).

Результаты выборов по отдельным странам можно, конечно, хоть и с некоторой натугой, попытаться свести к какой-то единой тенденции. По сути же они, как и предвыборные кампании, отражают в каждом конкретном случае вполне домашние коллизии, имея лишь один общеевропейский «знаменатель» – кризис. Так, в Болгарии чувствительное поражение потерпела правящая (в коалиции) Болгарская социалистическая партия (18,93 % голосов и 4 места в парламенте). В то же время коалиционный партнер социалистов – турецкое «Движение за права и свободы» выступило достойно, получив свои 17,27 процента и 4 депутатских мандата. Сказалось, похоже, дисциплинированное поведение его избирателей. На этом фоне кажется логичным успех главного противника социалистов – право-популистской партии ГЕРБ (Граждане за европейское развитие Болгарии) во главе с экс-премьером Б. Борисовым: 30,4 процента голосов и 6 мест в парламенте. Преуспела на выборах и новая политическая сила – коалиция «Болгария Без Цензуры», получившая 10,6 процента голосов и 2 мандата.

На схожем социально-экономическом фоне иную картину показали выборы в соседней Румынии. Вероятно, потому, что здесь на обычное межпартийное соперничество наложилось противостояние двух лагерей: противников и сторонников заканчивающего свой второй срок Президента Т. Бэеску, который уже дважды подвергался попыткам импичмента. Явными фаворитами оказались его враги – коалиция во главе с правящей Социал-демократической партией: 37,6 процента голосов и 16 мест. Свои 6,2 процента голосов и 2 места завоевал их партнер по кабинету Демократический союз венгров Румынии. Менее удачливы были их соперники справа. Национал-либеральная партия, ранее входившая в правительство вместе с социал-демократами, покинула его за несколько месяцев до выборов и перешла в оппозицию, чтобы повысить свои шансы. Но избиратели негативно оценили этот маневр. Национал-либералы получили 15 процентов голосов и 6 мандатов, после чего их лидер К. Антонеску вынужден был подать в отставку. Главная оппозиционная сила – Демократическо-либеральная партия набрала 12,3 процента голосов, что принесло ей 5 мандатов. Еще 6,2 процента голосов и 2 мандата завоевала пропрезидентская партия «Народное движение».

Примечательно, что националистическо-популистской партии «Великая Румыния», некогда наводившей ужас на румынский политический класс, пришлось довольствоваться скромными 2,7 процента голосов. Между тем массовый запрос на подобную политическую силу сохраняется. Это подтверждают социологические исследования, стабильно фиксирующие сильную ностальгию по временам Чаушеску.

Больших неожиданностей не случилось и в Словении, где они могли бы произойти, учитывая размах массовых протестов в начале 2013 года, своей стилистикой сильно напомилавших «парижскую весну» 1968 года. Правившая (в коалиции) «Позитивная Словения» проиграла, набрав лишь 6,6 процента голосов и не получив ни одного мандата. Результат логичный не только из-за политики жесткой экономии кабинета А. Братушек, старавшейся спасти страну от судьбы Кипра. Накануне выборов «Позитивная Словения» раскололась. В соревновании за лидерство в партии победил ее основатель З. Янкович – не столь давно очень популярный мэр столицы, вынужденный временно отойти от политики под давлением обвинений в сокрытии доходов.

При разброде в левоцентристской коалиции не удивительно, что в выигрыше оказались их правые противники. Словенская демократическая партия экс-премьера Я. Янши набрала 24,8 процента голосов и получила 3 мандата. Блок Новой Словении и Словенской народной партии – 16,5 процента голосов и 2 мандата. Хотя неудача постигла многих ветеранов словенской политической сцены, все же по одному мандату досталось входившим в правившую коалицию социал-демократам (8 % голосов) и Демократической партии пенсионеров (8,1 %). Единственным преуспевшим новичком стал список «Верю» (10,4 % голосов) бывшего

руководителя счетного ведомства независимого И. Шолтеса, который и обрел депутатский мандат. Из 8 словенских депутатов Европарламента половина были ими и в прошлом составе.

Недавно принятая в ЕС Хорватия всегда отличалась повышенным евроскептицизмом ее граждан. Даже на референдум о вступлении Хорватии в ЕС (22.01.12), закон о котором пришлось специально «подтесать» для получения нужного результата, явиться сочли необходимым лишь 44 процента избирателей (из них «за» высказалось 66,2 % проголосовавших, «против» – 33,1 %). О силе национализма в стране красноречиво говорит тот факт, что осужденных Гаагским трибуналом за военные преступления хорватских генералов после их освобождения встречают на родине как национальных героев. Но особенных сенсаций не случилось и здесь. Правящая коалиция во главе с социал-демократами собрала 29,9 процента голосов и получила 4 мандата (из них два достались партиям, входящим в Альянс либералов и демократов). Победителем же стал их традиционный противник – Хорватское демократическое содружество со своими союзниками, получившие 41,4 процента голосов и 6 мест (5 может записать на свой счет фракция Европейской народной партии в Европарламенте, 1 – Европейские консерваторы и реформисты). Один мандат достался новичку – списку «За устойчивое развитие Хорватии», числящемуся среди «зеленых». ХДС более склонно к заигрыванию с национализмом, а в прошлом, при авторитарно-националистическом режиме Президента Ф. Туджмана – покойного отца – основателя независимой Хорватии, небезосновательно считалась партией с сильным коричневым оттенком. Но с тех пор она приложила немало усилий, чтобы перекраситься в черные христианско-демократические цвета, а для вступления в ЕС сделала не меньше своих соперников. Поэтому вряд ли основательно считать ее законным выразителем хорватского евроскептицизма.

ЯЖБОРОВСКАЯ Инесса Сергеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Характеристику специфики избирательной кампании по выборам в Европарламент в Республике Польша следует начать с констатации существенного отличия ситуации в этой стране от большинства стран Европейского союза. Если во многих странах ЕС в качестве ключевой проблемы выделяется финансово-экономический кризис и его тяжелые последствия, то ситуация в Польше диктует иной подход. Достаточно сослаться на такого авторитета, каким является бывший председатель Европарламента профессор Е. Бузек, у которого по степени актуальности на первом месте стоят рост и развитие экономического потенциала страны, затем миграция населения и уже потом – финансово-экономический кризис. В этом проявляется специфика Польши, а также, в разной мере, и других стран категории E-13.

Разумеется, проблема финансово-экономического кризиса имела для Польши, как и для всего региона, существенное значение, но она отнюдь не отличалась той остротой, которая проявилась, например, в наиболее близких по уровню ВВП на душу населения странах Северного Средиземноморья. Темпы роста экономики Польши с момента ее вступления в ЕС были столь высоки, что если в 2004 году ее ВВП на душу населения был на уровне 40 процентов от среднего по ЕС, то в 2014 году он уже достиг 70 процентов, а рецессия вовсе обошла эту страну стороной.

Изначальное использование поляков в «старой» Европе в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих очень быстро сменилось массовым притоком высококвалифицированных специалистов – медицинского персонала, программистов, архитекторов, которые в значительной степени оказались не просто временными мигрантами, но стали успешно укореняться по мере бытового устройства в Великобритании, Скандинавии, Ирландии и других развитых странах ЕС уже с семьями и на постоянное место жительства. И если вначале временный выезд обеспечивал лучшее бытовое обустройство на родине, замену бытовой техники, приобретение или смену квартиры или автомобиля, то уже через несколько лет большинство реализовало за границей качественно иные, долгосрочные жизненные планы. Как свидетельствует евродепутат Р. Чарнецкий из партии «Право и справедливость», в «старые» страны ЕС влекла не необходимость заработать на жизнь, а шанс оптимально самореализоваться, сделать карьеру.

Как это сказалось на выборах в Европейский парламент? Естественно, явка снизилась. По мере возможности (которая есть не всегда) поменявшие место жительства, а то и гражданство поляки по правилам ЕС участвовали в голосовании в странах своего временного или теперь уже постоянного проживания в разных странах Евросоюза. За кого они голосовали? Тут ситуация становится неоднозначной. И каковы же общие результаты выборов в Польше на этом фоне? Польские политические партии продемонстрировали во многом сходные с общеевропейскими тенденции. Вместе с тем специфика избирательного процесса в Польше проявилась в, казалось бы, парадоксальном разрыве высоких показателей позитивного отношения к членству в Евросоюзе и довольно низких – реального участия в последних выборах в Европарламент: явка составила всего 23,82 процента (был избран 51 депутат). Однако ошибкой было бы считать, что дело в пассивности населения, отсутствии интереса к ЕС и т.п.

По данным польского Центра опроса общественного мнения (CBOS) на 29 апреля 2014 года, 89 процентов поляков посчитали десять лет, проведенные в составе Евросоюза, лучшими для страны ввиду достижения наиболее прочной за последние 200 лет экономической безопасности, высокой финансовой стабильности, свободы перемещения капиталов, улучшения положения на рынке труда в результате свободы перемеще-

ния рабочей силы, а также существенной поддержки развития регионов и сельского хозяйства.

Президент Б. Коморовский объясняет это явление прежде всего низкой политизацией населения – поверхностным укоренением гражданского начала, недостаточным пониманием необходимости открыто поддерживать на выборах достойных доверия людей. При этом было очевидно, что население Польши, вполне пассионарное, связывает будущее развитие страны с Евросоюзом. Но оно, не особо вникая в детали партийной борьбы в структурах ЕС, доверяет компетентности своих представителей, обеспечивающих реальные успехи в деле поддержки избранного страной курса.

В Польше к урнам пришли менее 24 процентов избирателей. Почти 64 процента голосов разыграли между собой в ожесточенной борьбе (при разнице всего в 0,65 процента) два основных соперника, получившие в результате по 19 мандатов, – правоцентристская Гражданская платформа Д. Туска и по существу представлявшая то же крыло политической сцены, но принципиально отличавшаяся традиционализмом, национализмом и популизмом партия Я. Качиньского «Право и справедливость». Результаты составили соответственно 32,13 и 31,78 процента. При этом обе партии потеряли по сравнению с предыдущими выборами соответственно 9 и 4 места. Впрочем, в ходе подсчета голосов преобладали эмоции не по этому поводу, а в связи с колебавшимися абсолютными цифрами.

Что касается крайне правых, то период кризиса и в Польше способствовал усилению на политической арене позиций евроскептиков и противников ЕС, которые тем не менее проявили значительную активность на выборах в Европарламент.

Перегруппировка правых привела к созданию получившего на выборах более 7,15 процента при 505 586 голосах (4 мандата) нового политического образования – Конгресса Новой Правой партии во главе с Я. Корвином-Микке, увеличившего на выборах свой рейтинг, и группировок националистов, не прошедших в Европарламент (радикальное Национальное движение получило 98 626 голосов – 1,4 %). В сумме два этих образования могли бы собрать более 8,5 процента голосов, а вместе с двумя крупнейшими игроками польской политической сцены – почти 80 процентов голосов участников выборов.

Неожиданным явлением было то, что, по данным телеканала TVN24, Конгресс Новой Правой партии, свежее явление на польской политической сцене, в условиях особо трудных для молодежи кризисных лет собрал 28,5 процента голосов молодых (18–25-летних) избирателей. По сравнению с традиционной долей молодежи в голосах «Права и справедливости» (21,5 %) это неожиданно много и расценивается социологом Я. Василевским как «детская болезнь» неолиберального бунтарства молодых, не знающих жизни, законов экономики и мирового рынка, не имеющих опыта, но жаждущих большей свободы перемещения по свету и социальных прав и меньше бюрократических ограничений.

Интересен принцип выбора польскими евродепутатами нового созыва фракций в Европейском парламенте. И левое, и правое крыло польских евродепутатов готовы в значительной мере уточнить и пересмотреть свои позиции, дабы увеличить эффективность своего присутствия в Европейском парламенте. Многие евродепутаты-поляки, постоянно и остро соперничая в своей стране, взвешивали рациональность вступления в одни и те же фракции. Рассуждая о перспективах деятельности в рамках той или иной фракции, евродепутат от Гражданской платформы Д. Росати исходил из того, что для Польши полезно было бы участие ее представителей только в таких политических группах (фракциях), которые имеют реальное влияние на принятие решений.

Лидер Союза демократических левых сил Л. Миллер рассматривал возможную перспективу развития ЕС по левому сценарию – прихода к власти левых.

Что касается оценки перспектив работы Европарламента, то Е. Бузек и Д. Росати не подвергали сомнению эффективность его работы при новом соотношении сил, хотя в ряде стран (Великобритании, Франции, Дании и Греции) победили евроскептики. Это направление концентрируется на критике методов работы ЕС и руководствуется принципом «меньше Брюсселя, больше национальных государств», то есть они хотят не укреплять власть Брюсселя, а отобрать ее часть, затормозить реализацию ряда принятых решений, прекратить действие других. Яркий пример – курс Великобритании на ограничение функций ЕС лишь зоной свободной торговли. И Е. Бузек, и Д. Росати полагают, что для принятия решений просто потребуется больше времени, так как придется детально обсуждать и учитывать постулаты крайних партий, ибо они выражают волю немалой части избирателей.

Однако большинство голосов сохранится за проевропейскими партиями так называемой большой коалиции – христианскими демократами и социалистами, и хотя можно предвидеть, что рассмотрение вопросов, выработка программ и конкретная деятельность будут затягиваться, а принятие решений окажется затруднено и принятие солидарных решений будет проходить сложнее, существует перспектива открытия новых возможностей сотрудничества. Их оптимизм подкрепляется тем, что Евросоюз уже неоднократно выходил победителем из различных кризисных ситуаций, диверсифицируя свои структуры и совершенствуя курс. Это закономерный путь преодоления регрессивного развития и нахождения возможностей продолжения развития прогрессивного.